Майор и волшебница

Автор:
Александр Бушков

Майор и волшебница

Александр Александрович Бушков

Бушков. Непознанное

Весной 1945 года, когда до Берлина оставалось уже не так далеко, майор Федор Седых привез в расположение своего батальона девятнадцатилетнюю немку-беженку Линду, поселил ее рядом со своей комнатой и назначил ее своей помощницей.

Вопиющий по своей дерзости поступок не остался незамеченным для офицеров СМЕРШа. Однако майор не обращал внимания ни на косые взгляды солдат, ни на строгий приказ Главнокомандующего.

Потому что Линда обладала совершенно фантастическими способностями: глядя на человека, она могла точно сказать: будет он жить в ближайшее время или погибнет…

Александр Бушков

Майор и волшебница

А факт – самая упрямая в мире вещь.

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Что-то осталось недосказанным Знать бы нам что?

В. Пикуль. «Богатство».

© Бушков А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Получилось так, что мой отдельный разведбат оказался отрезан от дивизии. Ненадолго, правда, и что радовало, отнюдь не немцами. На войне чего только не случается… По железнодорожному мосту, который быстро откатывавшиеся немцы не успели подорвать, прошли наши мотострелковые полки, два из четырех, штабы, связисты, артиллерийский полк. А потом по радио пришел приказ: всем остальным остановиться на обочине и пропустить вперед танковый корпус. Вот мы и оказались в условиях, воинскими уставами, в общем, не предусмотренных, – отрезаны от главных сил своими. Так что пришлось куковать на обочине: еще два полка, саперы, тыловые части и еще кое-какие подразделения, в том числе и мой разведбат. Зенитчикам, правда, нашлось дело: обе батареи поставили с нашей стороны у моста. Я со своего места не видел, что у них творится, но вряд ли они застыли в напряженной бдительности: весна сорок пятого, до Берлина не так уж далеко, и небо было прочно наше. Иногда только заявлялись мелкие пакостники: новейшие немецкие реактивные истребители, на которых из-за их скорости наши зенитные прицелы были не рассчитаны. Но особого вреда от них не было: налетали редко, бомбы сбрасывали мелкие – реактивный «мессершмитт» их мог взять не больше, чем обычный. Хорошо, что в сорок первом их не было, вот тогда бы показали кузькину мать…

Никакого раздражения из-за того, что застряли здесь надолго, не было: времени хватало, и мы успевали до темноты разместиться в том городишке, что нам отвели для расквартирования: там этих городишек было насыпано густо, прямо-таки как опят на пне, вот нашей дивизии и отвели такую россыпь – тем подразделениям, что оставались во втором эшелоне. Кто-то из высшего руководства рейха, то ли Гиммлер, то ли сам фюрер, дал отступавшим войскам приказ уничтожать все на своем пути, оставляя «красным» выжженную землю.

Где-то это им удавалось: мы насмотрелись на разрушенное, сожженное и взорванное явно самими же немцами, на расстрелянную из пулеметов фермерскую скотину. И на висельников на ветвях деревьев и телеграфных столбах – кто-то в форме, кто-то в штатском (ухитрился где-то раздобыть, что его не спасло), и у каждого на груди аккуратная такая карточка с надписями типа: «Я дезертир», «Я предал фюрера и Великий рейх». Такая вот наглядная агитация, уж не знаю, как она действовала на тех, кто втихомолку думал, как бы единолично выйти из войны. Но из того района, где шла наша дивизия, немцы откатились так быстро, что практически ничего изничтожить не успели. Так что мы и не знали толком, где противник: авиаразведка, правда, доложила, что километрах примерно в двадцати – и, похоже, пытается там закрепиться.

В общем, приятно было посмотреть, как прет лавиной броневая силища – это вам не сорок первый год… Где-то там, впереди, километрах в десяти отсюда, и должны были встать эти танки и САУ и зарыться в землю два полка «царицы полей» нашей дивизии с артполком.

(Интересно, что у немцев пехота именовалась точно так же. Вася Тычко пару месяцев назад притащил мне вместительную фарфоровую кружку с военной символикой, там серо-черной краской были нарисованы солдаты, наградной пехотный знак за штурмовые атаки и написано то же самое: «Царица полей». Все правильно: любая техника, самая грозная, только развивает успех, а закреплять его, занимать территории всегда приходится «царице полей».)

Единственное, что притомляло, – скука. Из машины я прекрасно видел дорогу, делавшую в этом месте огромную петлю, – и, судя по тому, сколько там еще пылило брони, куковать нам здесь не меньше часа. Есть никому не хотелось (а выпить в таких условиях не больно-то и выпьешь), как Вася ни старался, не удавалось поймать по радио какую-нибудь веселую музыку. Вот и курили лениво, опустив все стекла машины до упора.

Вот и бездельничали на довольно широкой околице, между железной дорогой, лесом и зарослями какого-то кустарника, местами довольно близко подходившими к дороге. Не так уж далеко – по европейским меркам, располагались предгорья Гарца, и леса здесь были, на мой взгляд сибиряка, настоящие: густые, диковатые, с зарослями кустарника между деревьями. Ничего похожего на ухоженные, чистенькие леса, которых мы насмотрелись по пути: прилизанные, подлесок убран, хоть пляши, каждое дерево пронумеровано раскаленным клеймом, своей цифиркой.

Оттого, что здешние леса ничуть не походили на те, я и выставил на опушке, во всю длину нашего случайного расположения, цепочку часовых. На всякий случай. Кое-где и наши и противник изрядно перемешались, в таком вот лесу вполне мог оказаться отряд немцев – пусть без танков, они там не прошли бы, но все же достаточно крупный, чтобы хватило дури на нас напасть.

Ну а я с шофером Кузьмичом и ординарцем Васей Тычко просиживал в моем «Опель-Адмирале». Ага, мне волей случая досталась эта роскошная машинка, совсем не по чину простому майору, у которого ее запросто мог отобрать проезжий генерал, а то и проезжий полковник. Ну, так уж мне свезло. Месяц назад взяли мы без серьезных боев городок покрупнее, чем та «россыпь», что ждала нас за рекой, мои ребята наткнулись там на гараж, где стояла целехонькая дюжина таких вот красавцев: там помещался, по нашим меркам, обком их собачьей партии (сам город, снова по нашим меркам, был областным центром). Машины они, как оказалось, бросили оттого, что не было бензина. И ничего не наломали, надо полагать, оттого, что драпали в величайшей спешке – что с них взять, партийцы; солдаты, несмотря на спешку, гараж бы непременно из вредности подожгли – так не доставайся же ты никому…

Ну, у нас-то бензин был, и свой, и с немецких складов ГСМ, которые они тоже поджечь не успели, – очень уж быстро мы их оттуда вышибли, и укрепиться как следует они не успели… Нежданные трофеи делили не самодеятельно, а по указанию начальства: одна пошла командиру дивизии, одна – начштаба дивизии, и еще пять – штабу же, одна главному смершевцу дивизии, три командирам полков, а последнюю комдив распорядился отдать мне. Учел специфику службы: мне гораздо чаще, чем другим командирам, приходилось мотаться по самым разным подразделениям, иногда далеко разбросанным. А «Виллис» мой неделю назад попал под бомбежку (хорошо еще, стоял пустой и Кузьмича там не было), а свободного не нашлось, всем нужны. Иногда на войне очень замысловато делили самые разнообразные трофеи…

Место было скучное. Поезд остался на рельсах, но весь иссечен осколками и пробоинами – ну конечно, сталинские соколы перехватили. Двери всех вагонов распахнуты настежь, и никакого барахла возле них не валяется: эшелон, похоже, вез что-то нужное в хозяйстве, и тут аккуратно поработала трофейная команда.

Справа, не так уж и далеко, метрах в двадцати от нас, картина столь же неинтересная – человек с полсотни беженцев, этакий цыганский табор. Эка невидаль, насмотрелись… Судя по тому, что держались они, в общем, спокойно, значит, мы были не первыми советскими солдатами, с которыми они сталкивались, и особых обид от «красных» они пока что не видели.

Хотя… Коли уж ваш отец прошел всю войну и должен был рассказать то и это (я уверен, скупо), должны знать, что на войне случалось всякое. На то она и война, тем более такая… И насчет трофеев (часов особенно), и касаемо женщин. И бывали – эксцессы… Оправдать не все можно, а понять нужно. Хватало самого разболтанного народа, в том числе и уголовного – а уж эти своего не упустят. И потом: очень уж многие видели, что немцы у нас натворили, да вдобавок у многих родные-близкие от немцев погибли. Вот и срывались иногда.

– А вот интересно… – лениво протянул Вася Тычко, глядя в сторону беженского табора.

– Что там такого может быть интересного? – отозвался я столь же лениво.

Насмотрелись мы вдоволь на эту публику в первые дни, а потом надоело, слились в сплошную серую массу, неведомо куда бредущую по околицам, как будто где-то там, впереди, их ждала счастливая мирная жизнь.

– А вон, слева. Девушка сидит, и, что интересно, как бы наособицу. Они там все друг к другу жмутся, а она словно бы сама по себе…

Я присмотрелся. Действительно, беженцы сбились этаким овечьим табунком. Все как всегда: ни мужчин, даже пожилых, ни подростков – в последний месяц немцы гребли в фольксштурм всех способных держать оружие. Вовсе уж дряхлые старики, старухи, маленькие дети, женщины средних лет… Обычная картина.

А вот девушка, на которую показывал Вася, в эту картину решительно не вписывалась. Сидела метрах в пяти от остальных, в сером пальто (из-за подсохших пятен грязи и всякого прилипшего мусора ясно, что последнее время она спала где придется) и темно-синей косынке. Рядом стоял небольшой чемоданчик, судя по виду, не из дешевых. Да и пальто не особенно пролетарское, хотя в женской одежде я не спец, тем более в немецкой. И в

самом деле, как-то наособицу держалась.

– Может, из угнанных? – немного оживился Кузьмич (я его понимал – подвернулась какая-никакая тема для разговора, скуку скоротать можно). – То-то и держится от фрицев подальше.

– Наша?

– А может.

– Не вытанцовывается, – уверенно сказал Вася. – Наши угнанные идут на восток, а эта явно держит путь на запад, как все эти.

– Ну и что? Мало мы с тобой угнанных с запада навидались – из всяких там Франций-Голландий? Они как раз на запад и шли. А куда ж им еще, не на юг же? Хотя те греки шли как раз на юг. Помнишь, веселых? Песни пели…

– Вот то-то, – сказал Вася. – Веселые. Все угнанные, каких мы видели, были веселые по самое не могу. Как же иначе, если они домой шли? Тут запляшешь, как та гречанка белозубая… Я б на их месте не так плясал… а эта сидит скукожившись, как воробей под дождем, и настроение у нее, отсюда видно, самое грустное. Точно, немка. Убедил я тебя?

– Убедил… – проворчал Кузьмич. – Ты и мертвого убедишь…

– А то ж! А знаешь что? Хоть она сто лет не умывалась и не расчесывалась, сразу видно, что – красоточка. Как только братья-славяне такую пропустили? Ведь явно не первый день идет-бредет…

– Вася! – сказал я, подпустив в голос суровости (правда, признаюсь, деланой). – Есть строгий приказ Верховного…

– А я что, товарищ майор? – сделал невинно-простецкое лицо ординарец (он, стервец, отлично умел при нужде этаким Швейком прикидываться). – Я ничего, чисто теоретически рассуждаю, без всяких таких поползновений, запрещенных приказом Верховного главнокомандующего. Интересно просто, как она мимо наших ухарей прошла. А ухарей у нас хватает, и в каждый закоулок замполита с

особистом не поставишь.

– Ох, Васька… – вздохнул я. – И как это я тебя полтора года терплю, ни одного взыскания не влепил за балабонистый язык…

– Так я ж солдат оченно даже справный, – чувствуя мое хорошее настроение, блеснул Васька великолепными зубами. – Язык у меня балабонистый, это вы верно подметили своим соколиным взором, но балабонит одно идеологически выдержанное, так что и не за что, если рассудить, на меня взыскания накладывать…

– А за то, что ты сейчас тут разводил? – вклинился Кузьмич.

– А что я разводил?

– Как это что? Пущал пропаганду и агитацию, да еще в присутствии старшего по званию и твоего командира: мол, есть еще у нас такие солдаты, что цинично пренебрегают приказом самого Верховного главнокомандующего. Хоть сейчас садись да особисту пиши…

Это они так дурачились, чуя мое хорошее настроение. На самом деле эта парочка давно уж была друзьями неразлейвода. И вот уж в чем я был совершенно уверен: в жизни ни один не станет стучать особисту ни друг на друга, ни, что уж там скрывать иные сложности тогдашней жизни, на меня самого. Ну, предположим, стучать на меня совершенно не за что, но, что греха таить, иные шоферы с ординарцами своих командиров освещали. Это, если подумать, не стукачество, а все равно неприятно, но уж в этой парочке я был уверен…

– Ага! – сказал вдруг Кузьмичч. – Ты, Васька, про ухарей говорил? Ну вот тебе и целых трое, всем прекрасно известные. И ведь прямиком к девке курс держат.

Я посмотрел в ту сторону. И точно, не просто прекрасно всем известные ухари – мои ухари, разведчики. Колька Ярчук по кличке Жиган и двое его, как он любил выражаться, «мушкетеров», разве что калибром поменьше, этакие верные оруженосцы. И курс они в самом деле держали прямиком на девушку.

Сложное у меня к нему было отношение. Потому что парнишка был не простой – из тех, кого одной краской ни за что не нарисуешь, тут сразу несколько понадобится, и неизвестно, которой больше, которой меньше…

Как бы вам его обрисовать… Во всем, что касается службы, – солдат безукоризненный, разведчик на своем месте. Парень смелый, лихой, отчаянный, в деле на него можно положиться, как на самого себя. Не подведет, не напортачит, горячки не напорет, на все руки мастер – и «языка» возьмет ювелирно, и с минно-подрывным делом знаком, и нож метает – залюбуешься. Орден и две медали, лычки старшего сержанта.

А вот дома, по нашу сторону линии фронта, когда разведке выпадает безделье, – другой человек. Тут и «разведпоиск» по личной инициативе в немецком винном погребе, и «реквизированные» гуся-порося – но ведь всегда так обставит, паршивец, что не уличишь на горячем и за руку не схватишь! Специально мародерствовать по брошенным сбежавшими немцами домам ни за что не полезет, но если попадется на глаза что-то ценное – мимо кармана не пронесет. И портсигар у него роскошный, серебряный с кучей золотых накладок, веса такого, что волка убить можно, и часы настоящие швейцарские, причем как они к нему попали, покрыто неизвестным мраком. Есть сильнейшие подозрения, что от языков – он однажды притащил полковника, настоящего барона с фамилией в две строки, еще парочка не простых за ним числилась. Но ни разу ни один «язык» не пожаловался, что у него что-то отобрали. Полковник, я так подозреваю, чисто из дворянской спеси – не зря ж он первым делом спросил, в каком звании тот русский солдат, что его взял. И когда узнал, что по немецким меркам Колька не более чем унтер, как-то сразу эту тему свернул. Негоже, должно быть, показалось барону с пригоршней «фон» «унд» и «цу» на простого унтера жаловаться, да еще младшему по званию (первый допрос с него снимал капитан Анжеров). А ведь курящий был полковник, анжеровские сигареты смолил, не чинясь…

Ну и бабник был фантастический. Сколько медсестричек и связисточек из-за него в подушку плакало… Но и тут, не пойман – не вор. И в Польше отметился, и с немками, хотя я свечку не держал, точно знаю, покуролесил. Причем, в противоположность иным, силу применять брезговал, выезжал за счет личного обаяния (обаятелен был, собака – хорош собой, усики фасонные, чубчик неуставной) да всяких гостинцев (мы на трофейных складах «на нужды действующей армии» немало интересного набирали, натащенного немцами со всей оккупированной Европы). Да и вообще, между нами… В Германии к концу

войны мужиков была лютая нехватка, так что не стоит с ходу каждого солдата, кто с ними дело имел, в насильники зачислять – там самые разные коллизии случались.

– Окошко завесь, – приказал я Васе.

Сам задернул шторки своего окна – ага, там и шторки имелись, барские для себя машинки партайгеноссе оборудовали, тут тебе и раскладные столики, и ящик с отделениями для бутылок…

Вася оставил щелочку. Я тоже. И прекрасно видел, как эти клятые «мушкетеры» девушку обступили, как солирует, конечно же, Жиган, ей что-то говорит (слов с полсотни по-немецки он знал, но со своей спецификой – только те, что касались его профессии и амурных дел). Девица, как видно, была с гонором – притворялась, что смотрит сквозь них, а их тут нет вообще.

Тогда Федя Шалдыбин, один из «мушкетеров», достал из кармана галифе круг датской копченой колбасы (явно со склада в Лойбурге, который нам неделю назад достался целехоньким) и принялся плавными движениями водить им перед лицом девушки, а Жиган вкручивал ей что-то, помогая себе выразительными жестами, ничуть не похабными. Она все так же сидела, уже прямая, как натянутая струна, смотрела перед собой. С характером девушка – хоть я и видел со своего места, как она невольно слюну сглотнула: голод не тетка…

– Вася, – негромко сказал я. – Бери автомат и пошли. Только дверцу открывай тихонько, идем на цыпочках, чтоб не спугнуть…

Он обернулся ко мне чуточку удивленно, но, как справный солдат, получивший четкий приказ, взял «шмайсер» из держалок (были там такие) и тихонечко открыл дверцу, как и я. Мы направились к ним, стараясь ступать как можно тише, что было нетрудно на усыпанной толстым слоем побуревших еловых иголок земле.

Побуждения мои были несложными. Я вовсе не собирался становиться благородным рыцарем, спасающим принцессу от дракона. Если откровенно, мне плевать было, пойдет она с ними за колбасу или нет. Даже если и не пойдет, насиловать ее не будут, не в Жигановых это привычках, плюнут и уйдут.

Тут другое. Меня не на шутку разозлило, что Жиган впервые взялся откалывать свои номера при куче свидетелей и зрителей – раньше за ним такого не водилось, умел конспирироваться. Немцы-беженцы не в счет – кого бы их мнение интересовало? Но вокруг полно наших солдат и офицеров – и цепь часовых у леса, и расположившаяся возле своих отогнанных на обочину «студеров» пехота, и три автобуса медсанбата (несколько человек в белых халатах как раз смотрели в нашу сторону). И наконец – не далее чем в двадцати метрах отсюда – моя многим знакомая машина. Наконец Жигана знали в лицо очень многие. Так что это в первую очередь была неслабая плюха по моей репутации командира – а она у меня в дивизии была хорошая, и я ею дорожил, как любой на моем месте. Что это за командир, если в двух шагах от него, практически на его глазах – и глазах кучи другого военного народа – его подчиненные занимаются черт-те чем? Я хорошо представлял, какие разговоры могут пойти по дивизии – и уж конечно, не пролетят мимо комдива. Многие и так считают, что я слишком благодушно отношусь к Жигану, которого давно следовало бы примерно взгреть… Он, конечно, отличный разведчик, но в конце концов на нем не сошелся клином белый свет. Кому много дано, с того много и спросится… Дурной пример для молодежи, некоторые начинают ему подражать, считая, что таким и должен быть настоящий разведчик, а это в корне неправильно… Давно уже подобные разговорчики ползут. Иногда это от души, от стремления к порядку, а иногда… Скажем, страшно любит разносить эти разговорчики майор Тимошин – но мало кто знает: злобится он из-за того, что некая красавица-военфельдшер предпочла ему Жигана. Словом, своих сложностей тут масса…

Мои мотивы… Признаться, жалко ее не было. Не думайте, что мы были такие уж звери или напрочь очерствевшие душой. Тут другое. Мы ко многому относились, как бы удачнее подобрать слово, равнодушно. Вот представьте: я прошел Смоленщину, Белоруссию, Польшу и везде видел, что натворили немцы. Зверем после этого не станешь и мстить направо и налево женщинам, старикам и детям не начнешь – но некоторое равнодушие ко всему, что вокруг происходит, испытывать станешь. Вмешивались, когда видели, что готовится нечто уж запредельно гнусное. Ну, или идущее вразрез с моральными принципами отдельно взятого человека. Об этих аморальных принципах можно отдельную книгу записать – у многих они такие разные, самых разных вещей касаются… Ну, не будем отвлекаться…

Говоря по совести, лично моим моральным принципам это нисколечко и не противоречило – что эта смазливенькая фрейлейн сейчас прогуляется в лесок с тремя ухарями из разведки за круг хорошей датской копченой колбасы. А может,

и не прогуляется – если все же окажется строптивой. Плюнут и уйдут – какой бы ни был Жиган прохвост и выжига, насиловать не в его вкусе, все знают. Плюнет и уйдет со своими.

Тут другое. Первый раз мне подвернулся случай приловить Жигана на горячем – и рассчитаться за все сразу, чтобы понял: неуловимых у нас нет. Заигрался Жиган, чувство меры потерял: на глазах такого множества народа, на глазах командира, средь бела дня… Не за то вора бьют, что украл, а за то, что попался. Вот так, если вкратце. Немцы – люди хозяйственные, и в городке у них наверняка найдется не один подвальчик, где можно оборудовать хорошую такую, качественную гауптвахту с замком снаружи. Где Жиган и прокукует печально неделю, а то и поболее, а с ним заодно его сопливые сподвижнички – чтобы раз и навсегда научились брать от жизни только хорошие примеры, а не сворачивать на кривую скользкую дорожку, которая свободно может и в штрафную роту привести. Ведь здесь главное зло – даже не Жигановы выходки, а то, что на него глядя, молодняк помаленьку проникался мыслью, что настоящий разведчик таким и должен быть.

Основания залить этой троице сала за шкуру у меня имелись железные. Был еще один приказ: и о запрете на отношения с теми немками, что соглашались добровольно. А было таких не так уж мало: из-за тотальной мобилизации, особенно в последние годы, мужчины в Германии стали, говоря по-современному, большим дефицитом. А женщина есть женщина. Вот представьте молодую вдовушку, у которой мужа убили на фронте даже не в последние годы войны, а в первые. И темперамент при ней, и всякие женские желания – ну, жизнь есть жизнь, что тут скажешь?

Вот только выявлять нарушения этого приказа было гораздо труднее того, расстрельного, сами понимаете. В каждую постель и в каждый угол не заглянешь, и патрулей посылать не станешь регулярно. Вот, скажем, стоит наш офицер на постое у молодой симпатичной немочки – и как ты тут узнаешь, что у них ночью происходит и происходит ли? А потому, скажу по совести, на нарушение этого приказа сплошь и рядом смотрели сквозь пальцы, и я в том числе.

Это ничего, что я так рассказываю, с постоянными отступлениями? А, так даже интереснее? Вот и ладушки. Когда еще подвернется случай обстоятельно поболтать с человеком молодого поколения, да еще не с журналистом – это с ними приходится… сугубо идеологически выдержанно.

Мы были уже совсем близко, но они нас не замечали – увлеклись, стервецы, конечно. Жиган уже развязывал на ней платок, но не грубо, не нагло – неторопливо, словно бы играючи, с шуточками-прибауточками – девушка их, конечно, не понимала, но не могла не чуять хваленым женским чутьем интонацию, весьма даже игривую. Так и сидела неподвижно, положив руки на колени, только большие серые глаза чуть потемнели – надо полагать, от бессильной злости.

Мы были уже шагах в пяти, когда что-то произошло.

Я так и не понял что. Только всю троицу буквально отбросило на пару шагов, словно сильным ударом тока или воздушной волной. Вот только неоткуда здесь было взяться току и уж тем более разрыву. Вокруг стояла прежняя тишина, если не считать мерного лязганья танковых гусениц, к которому уже настолько притерпелись, что перестали замечать. Девушка сидела неподвижно, в прежней позе, разве что платок ей наш ухарь успел развязать и накинуть на плечи. А эта блудливая троица так и стояла в чуточку нелепых позах, словно в детской игре «замри». Положительно, что-то должно было произойти, я не понимал что, но нутром чуял…

И вдруг Жиган сказал каким-то странным, словно бы даже не своим голосом, словно бы дрожащим:

– Все видели? В бога, душу, мать… Пошли-ка отсюда, ну ее, не люблю непоняток…

Все трое шустро развернулись… и узрели в непосредственной близости меня, то есть отца-командира. С оторопелым видом вытянулись в классической стойке «смирно», хотя, строго говоря, были не обязаны.

Я присмотрелся. Ошибиться я не мог: в глазах у Жигана плескался страх, еще более сильный у двух других. И уж никак он не мог быть вызван лицезрением моей скромной персоны – совершенно не с чего, не собирался же я их на ближайших деревьях вешать, такие штучки в армии с незапамятных времен не в ходу. Я даже и не представлял, что в данных конкретных условиях могло всерьез испугать Жигана, не боявшегося ни глубоких рейдов в немецкий тыл, ни той жутковатой, прямо скажем, рукопашной с пьяными нибелунгами из ваффен СС, которых было чуть ли не вдвое больше… да не боялся он ни бога, ни черта,

ни лихого человека, как говаривали в старые времена в нашей деревне. И тем не менее только что произошло что-то, всерьез нашего ухаря и уж тем более его «оруженосцев» напугавшее. Полное впечатление: разреши я им, они бы отсюда бегом припустили, особенно молодые…

Я посмотрел на девушку. Она сидела в прежней позе, с тем же безучастным лицом, и не было в ней ничего, способного так напугать не то что бравых разведчиков, но и юного пионера. Но как тогда объяснить то, что я только что наблюдал своими глазами?

Ладно. Пора было что-то сказать, а не продолжать немую сцену из «Ревизора».

– Ну что, Жиган? – сказал я с недоброй ухмылочкой. – Красоток деликатесами потчуешь?

Судя по лицу, понемногу принимавшему прежнее выражение, он совсем оклемался (а вот на девушку все же раз оглянулся украдкой). И сказал со своей почти обычной развальцой, которую всегда, стервец, держал в неких границах:

– Да мы что, товарищ майор? Мы ничего… Видим, девушка голодная, подкормить хотели немножко…

– И платок снять успели, – добавил я ему в тон. – Благодетели… Что ж вы вон его не покормили?

И я кивнул на немца в потертом военном мундире без погон, вместе с тремя пожилыми женщинами сидевшего возле костерка, на котором в немецком солдатском котелке кипело какое-то скудное варево. Немцу лет сорок, но сразу видно, что отвоевался: левая штанина пустая до колена, а рядом лежат два костыля. Отвоевался прочно, ни одного фельджандарма уже не заинтересует…

– Да пошел он к бабке в пазуху! – сказал Жиган уже своим обычным голосом. – Он с нами воевал, а мы его колбаской потчевать? Уж девчонка-то точно с нами не воевала…

– А почему ты решил, что с нами? – усмехнулся я. – А может, с союзниками?

– А чего ж он тогда с востока на запад драпает? – фыркнул Жиган. – И морду прячет характерно так. Посмотрите, товарищ майор – у него на кителе дырки явно от наград, и с полдюжины. А на правом рукаве – видите? – два прямоугольных шеврона сорваны. И как раз такого размера у немцев дают за подбитый танк. Тот еще экземпляр, попался бы он мне на двух ногах…

Вот теперь это был совершенно прежний Жиган – зоркий, наблюдательный, хваткий. Что бы там ни случилось, мне пока непонятное, оклемался совершенно – но двое его молодых «воспитанников» все еще поеживались, хотя было совсем не зябко. Девушка сидела безучастно, но у меня почему-то осталось впечатление, что она прислушивается к нашей беседе.

Пора было с ними что-то делать, вот только что?

– Так что же, Жиган? – сказал я. – Приказ забыл? О недопущении связей с немками, пусть даже по доброму согласию и с собственноручно написанными ими расписками?

– Да какая там связь? – запротестовал он, невинно выкатив глаза с видом облыжно обвиненного в людоедстве учителя ботаники. – Колбасой хотели угостить и все, наверняка ж голодная, вон, даже щеки подвело, хоть и фасон держит. А платок… Ну, то чистое баловство, как на гражданке с девчонками на вечеринках. Не юбку ж снимали в конце-то концов, это уж точно было бы вопиющее нарушение приказа, и к бабке не ходи…

И смотрел на меня совершенно как прежде – с хорошо скрытым нахальным: «Ну что ты мне сделаешь, орлу разведки бравому?», о котором оба мы прекрасно знали.

А ведь я мог, ох как мог…

В штрафную роту мне его не дал бы закатать штаб дивизии – кадр ценный, а прегрешения все же не настолько велики. А вот обеспечить ему пару недель роскошной гауптвахты в добротном, сложенном на века немецком подвале мне вполне по силам. Вот такое решение в штабе только одобрят, кто-то там говорил, что он, если подумать, на «губу» странствует гораздо реже, чем следовало бы.

Так что процедура предстояла несложная, знакомая и рутинная. Объявить этой троице две недели гауптвахты, приказать снять ремни, коих арестованным не полагается, потом Тычко отведет их в расположение батальона, выделит парочку конвойных, запихнут в кузов любой ближайшей машины – а уж в городке тот же Тычко разместит их со всеми удобствами. Уж он-то постарается – между ним и Колькой давно уже черная кошка пробежала, жаль, причины мне неизвестны…

И тут моя светлая идея погасла, как курок под сапогом…

Диспозиция на ближайшее время известна точно. Наступать в ближайшие дней десять мы не будем – и потому, что третий полк не закончил прием и обучение, пусть наскоро, пополнения, и потому (что важнее), немец сумел от нас оторваться. Где он теперь, какие у него силы, укрепляется ли он или намерен отступать дальше, точно неизвестно. Самолет авиаразведки успел передать, что он вроде бы задержался километрах в полутора от той линии, где укреплялись два наши полка и должны были встать те танки, что продолжали катить по мосту. Успел еще передать, что атакован четверкой «вертучих» (этих чертовых реактивных «мессеров»), потом замолчал и не вернулся. Другого нам пока не выделили. Господство в воздухе? Имело место, конечно, но оно никогда не размазано равномерно, как масло по бутерброду – где-то густо, а где-то пусто. Вот и на нашем участке было пустовато, почему «вертучие» иногда и шкодили, удирая безнаказанно.

Вывод ясен: в ближайшее же время мне прикажут отправить разведгруппу, чтобы узнать о немцах все, что только возможно. А разведчиков у меня всего пять. В таких условиях никто не позволит мариновать на «губе» столь ценного кадра, как Колька Жиган, да и те двое уже не зеленые. Позвонит кто-нибудь из штаба дивизии, матернется и скажет:

– Да выпусти ты их к чертовой матери, раз такая надобность… Выпадет время поспокойнее – досидят…

Случалось уже подобное. И будет Жиган, хотя ничем этого не покажет, иметь надо мной некое моральное превосходство – все же оказался незаменимым, ага, утер нос майору, прицепившемуся из-за сущего пустяка. Неприятно, особенно если учесть, что командовать я над ними поставлен без году неделя…

Что вы говорите? Почему разведчиков только пять, когда у меня под командой целый разведбат? Это вас, как многих, сходство названий сбивает. На самом деле все обстоит чуточку иначе. Я чуть погодя разницу объясню, как раз будет подходящее время, а пока не хочу сбиваться с темпа, мы еще на этом берегу реки…

Поэтому посмотрел я на них недобро и рявкнул:

– Шагом марш в расположение части!

И знаете что? Полное впечатление, что приказ они выполнили с превеликой охотой, скорым шагом припустили – только Жиган оглянулся на девушку с совершенно непонятным выражением лица, но уже без страха, это точно.

А я остался. Не люблю оставлять за спиной нерешенных загадок, когда они касаются лично меня, – а так сейчас и обстояло, разведчики-то были мои. Отчего их от девчонки вдруг отшвырнуло, словно взрывом? Откуда этот страх в глазах бесстрашного Кольки-Жигана, да и остальных двух, тоже, безусловно, не трусохвостиков?

– Ты походи тут… осмотрись, – сказал я Васе и направился к девушке.

Совершенно не представлял, с чего начать. И ничем тут мое знание немецкого не поможет. Ну, предположим, спрошу я в лоб: «Не скажете ли, фрейлейн, что могло так напугать только что лихих парней, которые на моей памяти ни бога, ни черта не боялись?» А она пожмет плечиками и ответит что-нибудь вроде: «Откуда я знаю, герр офицер?» И всё. Тупик, в Смерш с таким идти – в лицо на смех не поднимут, но за спиной точно посмеются, пожмут плечами: «Всегда вроде умел закусывать грамотно… Что это на него вдруг накатило?»

Одно оставалось: двигаться, куда кривая вывезет. Благо времени хватало: танки шли и шли, и конца им не видно было. Так что я сидел и откровенно разглядывал ее (чего она словно бы и не замечала.) Ясно, что несколько дней не умывалась, да и освобожденные из-под платка трудами Жигана белокурые волосы до плеч не только не мыла, но и давненько не расчесывала. Но все равно видно, что красивая, по-настоящему красивая. Лицо тонкое, нет в нем той тяжеловесности, что свойственна иным, даже красивым, немецким девушкам, а вот щеки чуточку впавшие, явно от недоедания, тут Жиган был кругом прав. Ну да, откуда

беженцам, где бы дело ни происходило, упитанными выглядеть… Больше всего она походила на умненькую студентку – хватает таких и среди красивых.

Так ничего толком и не придумав, я достал сигареты. Табачок был хороший, «дважды трофейный», французский – там, в Лойбурге, первые, кто оказался на складе, набили вещмешки не только продуктами, но и этими черно-синими пачками с белым силуэтом танцующей женщины и непонятным названием «Гитанес». Война. Позаимствовать еду и табачок на отбитом у противника складе мародерством не считается.

Вот тут она повернулась ко мне и попросила вежливо-робко:

– Вы не дадите и мне сигарету? – и добавила, словно извиняясь: – На войне многие женщины привыкают курить…

Я это и сам знал, поэтому ничуточки такой просьбе не удивился. Удивило как раз другое: это было произнесено по-русски. Конечно, не вполне правильно – русский ей определенно не родной, но и не так уж коряво, вполне даже грамотно.

(Очень уж много времени прошло, и я, конечно, не помню уже, как она произносила те или иные слова, а потому простоты ради буду передавать ее русскую речь правильным языком).

Вот это тоже было интересно. Очень интересно. Потому что наталкивало на определенные версии…

Я подал ей сигарету, поднес зажигалку. Она поблагодарила опять-таки по-русски:

– Спасибо, господин офицер, – и умело затянулась. – Вы ведь офицер, верно? Я слышала, как солдаты вас назвали майором…

– Майор, – кивнул я. – Не беспокойтесь, они больше не вернутся.

– Придут другие, – отрешенно сказала она, глядя куда-то вдаль. – Я уже столько всякого насмотрелась… Три дня назад я шла с другой группой, остановились

отдохнуть в каком-то маленьком городке… Средь бела дня подъехали ваши солдаты на грузовике, забрали четырех женщин помоложе и покрасивее – одна сидела рядом со мной, мы успели познакомиться, – втолкнули в кузов, увезли, и больше мы их не видели…

«Интересно, почему же они тебя не прихватили, красоточку, несмотря на немытую мордашку? – подумал я рефлекторно. – Ту женщину, что сидела с тобой рядом, сгребли, а тебя вот не тронули». Странностей за девушкой прибавляется…

Она продолжала все так же отрешенно-печально:

– Женщина на войне – всегда военный трофей. Так было во все времена и, наверное, еще долго будет. Мой отец – военный, капитан, у него была большая библиотека, и я прочитала много книг про войны, самые разные…

– И где сейчас ваш отец?

– Не знаю, – сказала она. – Он служил во Франции, писем давно не было… но я знаю, что он жив! – воскликнула она, на миг став другим человеком – щеки раскраснелись, глаза блестят. И тут же стала прежней, понурой, вялой. – Я не знаю, где он, а он не знает, где я… Это тоже война…

Видимо, ей вдруг захотелось выговориться – накатывает порой на человека такое состояние. Я терпеливо молчал, но и она замолчала. Тогда я осторожно сказал:

– Вообще-то у нас есть строгий приказ, запрещающий такие вещи…

– Господи! – бледно улыбнулась она. – Вы же офицер, судя по наградам, давно воюете… Вам ли не знать, на что способны иные солдаты вдали от глаз начальства… Отец мне кое-что рассказывал – там, правда, шла речь о гораздо более безобидных вещах, и все случаи были смешные… – Она пытливо глянула на меня большими серыми глазами (между прочим, умными). – Что вы еще можете сказать? Что их можно понять, этих солдат? Что наши солдаты у вас порой вели себя не лучше? Я знаю, слышала немножко. Да что там далеко ходить? Вон, видите одноногого у костерка? Он часто орет: «Идиоты, нужно поскорее уходить к американцам! Если русские устроят здесь хотя бы половину

того, что мы у них натворили, здесь сто лет трава расти не будет!» И на сумасшедшего вроде не похож… Я вас ни в чем не обвиняю и не обличаю, господин майор. И ничему не ужасаюсь. Сначала верх берут одни и творят, что хотят, потом другие, поднакопив силы, одолевают и начинают мстить. Война всегда была такой… Я просто не думала, что когда-нибудь это коснется и меня…

Я понял ее взгляд и подал ей вторую сигарету, поднес огоньку. Она глубоко затянулась, не кашлянув – а французский табачок был крепкий, – выпустила дым, пытливо глянула мне в лицо и как-то безучастно спросила:

– Вы меня теперь расстреляете, да?

– Это за что вдруг? – удивился я.

– Я много слышала, что вы расстреливаете семьи офицеров, – сказала она без малейшего страха в голосе. – Тех, кому очень уж повезет, отправляете в Сибирь…

– Нужны вы нам в Сибири, нам там и без вас хорошо… – проворчал я. – Сама-то видела хоть раз?

– Нет, но много говорят…

Я мог бы сказать ей, что это немцы летом сорок первого расстреливали семьи наших офицеров и в Прибалтике, и в Бресте, и в других местах. Сдержался. Последнее дело, каким мне хотелось бы заниматься, – вести пропаганду среди немецких беженцев с разъяснением нашей политики. Я просто спросил:

– Интересно, ты честному слову вражеского офицера поверишь?

– Если честно, не знаю, – призналась она. – Дело совершенно не в том, что вы красный русский, просто вы вражеский офицер. Отец, правда, говорил, что настоящий офицер не лжет, иногда дает честное слово противнику…

– Правильно говорил, – сказал я. – Да и какой ты мне противник… Вот тебе честное слово: не собираемся мы мстить, вырезать кого-то подряд и все такое прочее. Знаешь, что сказал товарищ Сталин? «Гитлеры приходят и уходят, а

немецкий народ остается». Из этого и будем исходить.

Она долго смотрела мне в лицо – и в конце концов ледок в серых глазищах явственно подрастаял. Сказала наконец:

– Мне кажется, я вам верю…

– Поскучнела что-то ваша пропаганда. Вот в Семилетнюю войну обстояло гораздо красочнее. Волной шли сказки, что русские казаки детей живьем едят, да и взрослыми при случае не пренебрегают, если они упитанные. И это были не обывательские сплетни, а официальная государственная пропаганда: красочные листовки печатали со звероподобными клыкастыми казаками. Я видел в музее. А казаки, представь себе, никого не съели и даже не надкусили. Вот водку пили очень даже старательно, скрывать не буду… – И я спросил с неподдельным любопытством: – Знаешь, что мне по-настоящему интересно? Ты была уверена, что мы расстреливаем семьи офицеров, и сама сказала, что отец у тебя офицер. Я тебя за язык не тянул, не допрашивал. Это как понимать?

– Не могу толком объяснить, – сказала она тоскливо. – Может, мне показалось: если вы узнаете, что я дочь офицера, все кончится, весь этот ужас. Отец рассказывал, что скорость пули быстрее скорости звука, и своего выстрела человек не слышит…

– Что, так не хочется жить? – спросил я серьезно.

– Сама не знаю, – ответила она так же серьезно и поежилась. – Германия превратилась в какой-то ужас. Немцы вешают немцев без всякого суда… Я столько повешенных видела… Если бы их вешали ваши, зачем им вешать на грудь таблички на немецком вроде: «Я изменил Великому рейху»?

– Молодец, – сказал я. – Умеешь рассуждать логично.

– У меня по логике всегда были хорошие отметки… Знаете, в Драйземюлле меня хотели изнасиловать четверо солдат… немецких. В мятых, запачканных мундирах, пьяные… У них у всех были награды, и не одна! Они знали, что я немка, и все равно пытались утащить в подворотню…

– Я так полагаю, обошлось?

Она вновь зябко поежилась:

– Обошлось… Очередным ужасом. Мимо как раз ехали фельджандармы на двух мотоциклах. Видимо, все поняли и остановились. Они тех четверых ни о чем не спрашивали. Велели мне отойти в сторону, пулеметчик в коляске проворчал: «На всех веревок не хватит…» – и уложил всех четверых одной очередью. Перед тем как уехать, один мне крикнул: «Сиди дома, дуреха! Нашла время по улицам болтаться!» А какой у меня мог быть дом в Драйземюлле? И в Кольберге-то от нашего дома остались одни руины, я еще и поэтому ушла. Да и самого Кольберга не осталось. Город…

– Я знаю, – прервал я. – Понимаешь, вышло так, что наша дивизия без боев проходила и через ваш Кольберг, так что я видел, что от него осталось – один дом из сотни…

– Да, именно так, – сказала она. – Можете не отводить глаза, господин майор. Это были не ваши самолеты. Мне потом рассказали, что иногда самолеты носились совсем низко, и многие видели на крыльях белые звезды, американские. За последнее время многие научились безошибочно определять опознавательные знаки вражеских самолетов…

Я и не думал отводить глаза – сам знал, что Кольберг бомбили американцы.

– «Рассказали»… – повторил я одно из ее слов. – Значит, во время бомбежки тебя в городе не было?

Она улыбнулась бледно-бледно:

– Если бы я там тогда была, скорее всего, меня сейчас здесь не было бы, вообще не было… Я была еще в институте. Только ваши войска были уже близко, ректор собрал студентов и сообщил, что институт закрывается и все могут отправляться по домам. Многим, правда, ехать было уже некуда – их города остались за обеими линиями фронта. Но Кольберг был свободен. В самом деле, институт просто закрыли, даже не стали эвакуировать. А ведь там была богатейшая библиотека, в том числе и русский отдел… Мне только через двое суток удалось попасть на поезд. Он остановился примерно в километре от

вокзала – дальше рельсы были искорежены, и не было ни вокзала, ни Кольберга. Мама, я точно узнала, во время налета оставалась дома, так что… Признаться по совести, мы с ней много лет были… не в самых лучших отношениях, но мать есть мать… Вам, господин майор, случайно не приходилось переживать чего-то подобного?

– Бог миловал, – сказал я. – Я из Сибири, все родственники там, а до Сибири война не дошла. Если прикинуть, тысячи на четыре километров.

– Счастливые люди у вас в Сибири… – И у нее вырвалось с неостывшим удивлением: – Нет, ну зачем они так?

– Кто?

– Американцы. Зачем нужно было превращать Кольберг в щебенку? У нас не было ни военных заводов, ни военных объектов, вообще не было заводов, только мелкие мастерские, опять-таки к армии не имевшие никакого отношения. Ведь ни о какой мести и речи быть не может. Я согласна: у вас, у русских, есть основания для мести, и у англичан с французами, но американцы… На них ни одна наша бомба не упала. Ну, правда, наши подлодки топили и их корабли, но не такое уж несметное множество, чтобы прийти в дикую ярость и сносить до основания совершенно мирные городки… Зачем?

– Война… – ответил я.

Вот об этом – о мнимой «дикой ярости» – я мог бы ей кое-что порассказать, но тема была из тех, какую далеко не со всяким своим обсуждают, а уж тем более говорить о таком с немкой…

Давненько уж среди офицеров – причем большей частью не простых строевиков – ходили с оглядочкой разговоры, что наши доблестные союзнички, если называть вещи своими именами, ведут себя довольно непорядочно (а кое-кто употреблял и более крепкие выражения). Тенденции подметили давно: очень уж они увлекались бомбежкой тех городов, что должны были отойти в нашу зону оккупации. В том числе и совершенно мирных, вроде ее Кольберга. Ну а уж тем, где были какие-то серьезные заводы, причем необязательно военные, тоже доставалось качественно. И не только заводы… Вы ведь знаете, как это было с Дрезденом? Настоящий город-музей, масса старинных зданий, если там и были

военные объекты, то сущий мизер. Американцы с англичанами разнесли его именно что в щебенку, угробили тысяч тридцать мирного населения, а кое-кто считает, что и побольше. Дрезден как раз должен был отойти в нашу зону. Не верили мы уже тогда (из допущенных к кое-каким секретам) в такие случайности…

И наоборот. Много об этом стали писать только через несколько лет после войны, когда союзники стали заклятыми, но до нас и тогда доходила кое-какая информация о том, что союзная авиация очень даже бережно относится к тем заводам, в которые еще до войны союзнички вкладывали свои капиталы (правда, только к тем, что должны были отойти в их зоны оккупации). А делали там самые разные штуки… Еще в Польше Сережа Чугунцов из дивизионного Смерша (конечно, не в полный голос и не на публике) доходчиво объяснил насчет некоторых трофейных грузовиков, что это классические американские «Форды», разве что надписи повсюду немецкие. Между прочим, немцы их до самого капута клепали по американским технологиям и рабочим чертежам на заводах, построенных с участием американских капиталов.

Вот и подумайте сами: стоило ли говорить с немкой о том, о чем из своих-то знал, может, один из тысячи? То-то и оно…

– Ну вот… – продолжала девушка. – Что мне было делать в Кольберге? Ваши войска были уже совсем близко, никакой помощи пострадавшим от бомбардировки власти уже не оказывали, прошел слух, что вы с ходу расстреливаете семьи офицеров… а кое-кто говорил, и членов партии, и чиновников. Да чего только не говорили… Вот я и ушла, – она показала взглядом на чемодан, – с тем чемоданчиком, с которым приехала из института, – пара платьев, пара туфель, пара книг, кое-какое белье… Ничего ведь больше не было.

– И что, десять дней пешком?

– А кто бы меня вез и на чем? Хорошо еще, были колечки-серьги-брошки, так что удавалось выменивать еду. А четыре дня назад нас обогнали ваши танки и солдаты на грузовиках…

– И куда же направляешься? – поинтересовался я с живым интересом. – Должна же быть какая-то конкретная цель? Ты выглядишь слишком умной девушкой, чтобы брести в никуда…

– Я хотела дойти до Каллерведера. У меня там единственная родственница в Германии, тетя Минна. У нас с ней всегда были прекрасные отношения, гораздо лучше, чем с матерью…

– Каллерведер – это где?

– Километрах в пятидесяти от французской границы.

Я присвистнул:

– Дела… А тебе не приходило в голову, что это насквозь безнадежное предприятие? Загвоздка не в том, что там давно союзники – они уже продвинулись по Германии гораздо дальше, чем на пятьдесят километров. Как ты перейдешь две линии фронта? Это нереально. Погибнешь. Даже одного шанса из тысячи нет. Неужели не понимаешь?

– Теперь понимаю, – сказала она, глядя в сторону. – Хватило времени все обдумать. Но тогда… Что мне оставалось делать – сидеть на развалинах дома посреди Кольберга? Не видя никакой возможности как-то устроиться и прокормиться?

Она говорила охотно – конечно, хотелось выговориться. Среди беженцев как-то не принято вести долгие задушевные беседы, каждый погружен в собственное горе и к болтовне не склонен…

– Знаете что, господин майор? Я себя прямо-таки презираю, но… Был момент, когда я всерьез раздумывала, не согласиться ли на… предложение ваших солдат. По крайней мере, они ничуть не походили на тех насильников, с грузовиком. И вряд ли обращались бы со мной грубо. Они обсуждали, как со мной поступят, и не подозревали, что я каждое слово понимаю… Собирались взять меня в свой автобус. Вот именно, у них был не грузовик, а свой автобус. Это какое-то привилегированное подразделение, не простая пехота, да?

– Что-то вроде того.

– Мне пришлось бы иметь дело только с ними тремя, а это все же легче, чем солдатская очередь… Кормили бы, заботились… Позорно, конечно, для

благовоспитанной немецкой девушки из хорошего дома, но на войне оборачивается по-всякому… В конце концов я отказалась, гордость взыграла, но какое-то время раздумывала всерьез… – Она легонько передерну- лась.

Все правильно, подумал я. То есть все сходится. Пятерка разведчиков вольготно ехала в «дважды трофейном» французском автобусе. Их командир, лейтенант Мазуров, сам ни за что не стал бы участвовать в таких забавах, не тот парень, но и препятствовать не стал бы, видя, что все происходит по согласию. Позволял он Кольке маленькие вольности, что уж там, вот и теперь мог отстраниться. И сержант Бейситов участвовать не стал бы, но и не полез бы мешать – у них там в группе свои отношения. Ну а как ее «залегендировать», хитрец Колька придумал бы, особенно если узнал бы, что она знает русский – мол, и не немка это вовсе, а наша, советская, угнанная в Германию. Русский ей не родной? Так она и не русская, а скажем, гуцулочка, или молдаванка, или из Прибалтики, одним словом, из каких-нибудь националов, которые русским владеют далеко не в совершенстве. Зная Жигана, я не сомневался: что-нибудь такое он и придумал бы, как нельзя лучше подходящее к окружающей обстановке…

Потом я подумал о другом: «отказалась», сказала она. Чертовски интересно как? И что я, собственно говоря, видел? Что это за отказ такой хитрый – без всяких световых и звуковых эффектов, без единого ее словечка, но всех троих как порывом ветра отбросило? Ох, что-то тут крепенько не так, не по-обыденному, можно так выразиться…

– Я крепко упала в ваших глазах, господин майор? – спросила она с вымученной улыбкой. – После того, как вы узнали, что я всерьез раздумывала, не стать ли солдатской шлюхой в обозе?

Она смотрела напряженно, как будто и в самом деле ее всерьез заботило мое мнение о ней.

– Ни в малейшей степени, – сказал я. – Голод – паршивая штука, иногда на что только человека не толкает… Может, читала «Голод» Гамсуна?

– Читала. Значит, и вы… русские офицеры читают такие книги? Я имею в виду, серьезную беллетристику?

– Да вот представь себе. Интересно, ты, как многие у вас, полагала, что русская культура сводится к гармошке и водке из самовара? Выдам тебе страшную тайну: русские никогда не пьют из самовара водку, только чай. Не буду врать, что все у нас поголовно завзятые книгочеи, но русский офицер с серьезной книгой в руках – не столь уж и уникальное зрелище.

– Я совсем не это имела в виду, – сказала она. – Дело не в том, что вы русский, а в том, что вы – офицер. Я давно убедилась, в том числе на примере собственного отца: немецкие офицеры серьезную беллетристику как-то не читают. Ну, разве только те, кто получил гуманитарное образование или происходит из штатских семей, где с детства привыкли любить и уважать серьезную книгу. Другое дело – книги по военному делу и военной истории, мемуары военных. Правда, и их далеко не все наши офицеры читают…

Она помолчала и продолжала:

– Только не подумайте, господин майор, что я пытаюсь к вам подольститься, я говорю чистую правду. Мой отец – вовсе не нацист, он обычный пехотинец. Вообще, партия в армии всегда была непопулярна, как и политика вообще. Я скажу больше: отец крепко недолюбливает Гитлера и наци, он очень уважает Бисмарка, предостерегавшего немцев от войны с Россией. Вы не верите?

– Отчего же? – сказал я. – Вполне верю. Потому что три раза приходилось беседовать с вашими пленными офицерами, державшимися тех же взглядов, что твой отец. Гитлера и нацистов они не любили, а то и всерьез презирали, очень уважали Бисмарка, завещавшего немцам никогда не воевать с Россией. И тем не менее исправно воевали, судя по наградам, неплохо, в воздух не стреляли и в плен не сдавались. Говорили как один, что для немца есть два священных слова: «присяга» и «приказ». Один сказал мне: он с самого начала верил, что война с нами кончится для Германии страшной катастрофой, но все равно воевал – есть два священных слова… Другой рассуждал еще интереснее. Временами, говорил он, меня просто тошнит от этого австрийского фигляра и его банды, но, с другой стороны, они подняли Германию с колен, вытащили из величайшего унижения, и это тоже надо принимать в расчет. Так что верю тебе насчет твоего отца, верю…

Я решил перевести разговор в другое русло. Времени на безделье хватало, а на войне не так уж часто выпадает случай поболтать об отвлеченных вещах с красивой девушкой. Но у меня с некоторых пор зародились определенные подозрения, и их следовало проверить. Поэтому я тоном чуточку посуше

спросил:

– У тебя есть документы?

– Конечно. – Она глянула чуть удивленно. – Все необходимые. Они были со мной в институте и все уцелели. Только школьные погибли вместе с домом…

– Могу я их посмотреть?

Она улыбнулась той самой своей бледной улыбкой, к которой я уже стал привыкать:

– Вы деликатный человек, господин майор. Не требуете властно предъявить документы, а вежливо интересуетесь, не можете ли вы их посмотреть… Но если я откажу, вы ведь все равно потребуете?

– Боюсь, что да.

– Значит, вы – русский фельджандарм? Отец говорил, в любой армии они есть, только называются по-разному. Наверняка и у вас…

– Конечно, есть и у нас что-то наподобие фельджандармов, – сказал я. – Только я к ним никакого отношения не имею. Просто… Видишь ли, мой батальон – не обычная пехотная часть, а, скажем так, гораздо более интересная. Все подробности – военная тайна, ты, как дочь офицера, такие вещи должна понимать. Так вот… На военном языке ты сейчас именуешься «неизвестное гражданское лицо, оказавшееся в расположении воинской части». Никакие репрессии таким лицам не грозят, но документы у них проверяют обязательно. У тебя их рано или поздно проверил бы какой-нибудь офицер или патрульный. И у них у всех тоже, – я показал большим пальцем за спину на табор беженцев. – И добавил магические для всякого немца слова: – Таков строгий порядок, все по уставам…

Похоже, и на нее эта военная магия подействовала должным образом: ничего больше не сказала, расстегнула пальто, достала из левого внутреннего кармана коричневый дерматиновый бумажник и спокойно протянула мне.

Соврал я ей, конечно, безбожно. Кого эти беженцы интересовали настолько, чтобы проверять у них документы? Сидят себе кучкой перепуганных зайчишек, подозрительных среди них не видно, и пусть сидят, жалко, что ли? Благо немецкие фельджандармы за наших проделали большую работу, выхватывая всех мужчин определенного возраста, резко уменьшив число подозрительных для нас лиц.

Здесь другое… Во всевозможных разноплеменных военных формированиях, созданных немцами из изменников Родины – а также не состарившихся еще белогвардейцев, – не так уж и мало служило женщин. Никто из них оружия в руках не держал, но все равно с точки зрения закона они считались изменниками Родины и, так сказать, безусловно подлежали. Власовцы, РОНА – знаете, кто это? Ну вот, не надо объяснять – украинские, эстонские и латышские эсэсовцы, кавказцы, калмыки и прочие, всякой твари по паре.

Специально за ними не охотились, но ориентировки на них начали поступать сразу, едва мы вошли в Германию. Так вот, весной сорок пятого, когда от «тысячелетнего рейха» осталась неширокая полоса, уже не во всю длину Германии, к тому же вся эта сволочь всерьез озаботилась, как бы сбежать на запад, к союзникам, потому что на востоке им ничего хорошего не светило.

(Забегая вперед, скажу: рано губья раскатали. Когда война кончилась, оказалось, что союзники не выдают только прибалтов и украинцев, а прочих отправляют к нам толпами – ну, за исключением тех, в ком их разведки видели ценные для себя кадры.)

Мужчинам «сорваться в побег» было не в пример тяжелее: «полумесяцы»[1 - Прозвище фельджандармов, носивших на груди железную бляху, формой напоминавшую полумесяц с закругленными концами.] гребли всех подряд. А иногда с ними стояли и патрули власовцев и прочей сволочи. Женщинам было гораздо легче, ими же практически не интересовались. Раздобыть цивильную одежонку было нетрудно, как и замешаться в толпу беженцев. Сыпались они по случайности, всегда по двум причинам: во-первых, у них не имелось документов гражданок рейха, а те, что имелись, следовало перед бегством как раз изничтожить. Во-вторых, большинство из них (разве что иные немецкие овчарки из Прибалтики) немецкого не знали совершенно. И случалось не раз, что беженцы, обнаружив такую, что в ихней ридной мове ни в зуб ногой, от себя ее прогоняли от греха подальше. Уже смекнули, что к чему, и боялись, что русские, заловив среди них «свою», и их всех безжалостно перестреляют. Так-то люди

наши с особыми обязанностями уже знали: если беженцы от себя гонят какую-нибудь бабу, надо ее немедленно брать за шкирку – и осечек практически не было.

Вот и эта красоточка мне показалась подозрительной в первую очередь из-за хорошего знания русского. Что до ее немецкого – на нем она говорила безусловно лучше меня, но я не настолько хорошо знал язык, чтобы определить вот так, здесь, родной ей немецкий или все же нет. Следовало допускать, что это прибалтийская эсэсовка, а значит, «безусловно подлежащая», и уж красота тут не выручит. Да и не только прибалтийские могли хорошо знать немецкий. На войне иногда лучше перебдеть, чем недобдеть. Прекрасно я помнил, как два месяца назад один сержант из моего батальона потрепал по голове щенка лет четырнадцати, дал ему печенье и беспечно прошел мимо, а щенок выхватил пистолет и в затылок ему пальнул…

Так, что мы имеем? Гражданский паспорт рейха – навидались уже. Опа! Фотокарточка безусловно ее. И зовут ее Линда Белов. Написано по всем правилам немецкой грамматики – Beloff. Отец – Губерт Белов, мать – Лизелотта Белов, но немецкие имена еще ни о чем не говорят. Девятнадцать лет и три месяца, место рождения – Таллин. Тоже интересно, весьма.

– Ты что, из русских эмигрантов? – спросил я.

– Нет, – сказала она без малейшего волнения или тревоги. – Я немка, и родители немцы. Просто наши далекие предки были славянами.

Убедительное объяснение, если нет противоречащих тому данных, а их пока что нет. Действительно, в стародавние времена изрядная часть нынешней Германии была славянскими землями. Это уж потом пришли немцы. Славян они не вырезали поголовно, как поступили, скажем, с пруссами, – но поголовно онемечили, так что она с полным на то основанием могла называть себя немкой. Причем у некоторых славянские фамилии так и сохранились. У немцев был даже генерал фон Белов, одно время служивший не где-нибудь – адъютантом Гитлера. И уж хрен он себя чувствовал славянином. А захватом Норвегии командовал генерал Фалькенхорст, «в девичестве» Ястржембский – из давным-давно онемеченных поляков, правда, фамилию на немецкий уже при Гитлере перевел.

– А как вышло, что ты родилась в Таллине? – спросил я.

– Отец служил там при какой-то военной миссии. Три года, еще унтер-офицером. Вот и родилась. Только отца оттуда перевели в Германию, когда мне было полтора года, так что Таллина я совершенно не помню…

Это тоже было произнесено без малейшего волнения или тревоги – и тоже было достаточно убедительным объяснением. Что у нас еще? Членский билет Союза немецких девушек – женский гитлерюгенд, ага. Ни при какой погоде не компрматериал – и в мужской, и в женский гитлерюгенд «истинных арийцев и ариек» зачисляли в обязательном порядке, поголовно. Разница только в том, что парней по достижении призывного возраста гребли в армию, а девушки в своем Союзе состояли с десяти лет и до двадцати одного года.

Матрикул, как у немцев назывался студенческий билет. Та-ак… Тоже довольно интересно. Случилось так, что я многое знал про «Институт иностранных языков Шпайтена». Проходили мы через Шпайтен перед Кольбергом. Он-то от бомбардировок почти не пострадал, и я по приказу комдива выделял два взвода для содействия ребятам из Смерша, которых и этот институт интересовал.

Любопытное учебное заведение было, знаете ли. Примерно две тысячи студентов, причем четверть – парни, за способности к языкам не попавшие под тотальную мобилизацию вплоть до самого последнего времени, когда (здесь Линда говорила чистую правду) институт не стали эвакуировать, а студентов, называя вещи своими именами, просто-напросто бросили вместе с институтом, предоставив им устраиваться как знают.

Языков там изучали с дюжину: русский, белорусский, украинский, сербский, еще несколько тех стран, что были рейхом оккупированы, а еще английский и испанский. Это – с прицелом на дальнюю перспективу (сам институт создали в сорок втором, когда немцы прорвали наш Донской фронт и покатили к Сталинграду, когда им казалось, что впереди – сплошные успехи). У Гитлера был план удара по США через Центральную Америку, и, знаете ли, отнюдь не такой уж бредовый: в Южной Америке жило немало немцев, да и кое-какие «коренные» к нему питали откровенные симпатии – то-то после войны там укрылось множество гитлеровцев. Да и мексиканцы симпатии к северным соседям не питали – те их немало обижали, в свое время более половину Мексики оттяпали…

Так вот, в Шпайтене как раз и готовили своих переводчиков для оккупационной администрации – так и в самом деле надежнее, чем повсюду привлекать предателей из местных. Не везде местного и допустишь. Поэтому патронировала институт пара-тройка контор, не имевших никакого отношения к министерству образования, в том числе министерство по делам восточных территорий, то есть оккупированных советских земель. Розенберг там заправлял. Знаете? Ага, вот именно.

У немцев многое делалось по некоей тупой инерции, абсолютно не учитывавшей реальную обстановку. Однажды заведенный механизм исправно крутился, что бы вокруг ни происходило, вне зависимости, нужен он или уже нет. Так и с институтом в Шпайтене: немцев мы давно вышибли из Советского Союза, освободили Польшу, вошли в Германию и продвинулись там довольно далеко, а механизм все крутился. Только когда советские войска оказались от Шпайтена километрах в двадцати, до кого-то высокопоставленного наконец дошло, что пора тушить свет и сливать воду. Вот и бросили все, в том числе и «богатейшую библиотеку», о которой упоминала Линда, – и в самом деле богатейшую, она нам в целости досталась; из Шпайтена, как и из кое-каких других городов, немцы драпали так, что не успели ровным счетом ничего уничтожить, наплевав на все приказы о «выжженной земле».

К слову, министерство по делам восточных территорий, абсолютно никому уже не нужное, сдохло только вместе с Гитлером. Не знаю уж, что его чиновнички делали – а делать им было совершенно нечего, – но на службу ходили и жалованье исправно получали…

Самое интересное – что Линда как студентка этого милого учебного заведения абсолютно ничему такому не подлежала. Немецкие спецслужбы конспирировать умели. Те, кому такие вещи знать надлежит, точно знали: не только студенты, но и преподаватели понятия не имели, для чего здесь учат языкам. Конечно, несколько человек – не из преподавательского состава, а из администрации, – были полностью в курсе дела, но они, волки битые, сбежали первыми, и нашим удалось прихватить только двоих – силами спецгрупп, туда выброшенных еще до того, как в Шпайтен вошли наши войска. Они-то и показали на допросах: только на пятом году обучения студентов планировалось еще и провести через спецкурс о тех странах, чьи языки они учили, но жизни институту выпало три неполных года…

Так что Линду можно было со спокойной совестью отпускать на все четыре стороны…

Ну, и еще несколько документов, уже третьеразрядных – всякие справки, абсолютно ей теперь ненужные продовольственные карточки… Что ж, теперь я знал точно: первоначальные подозрения не подтвердились, она та, за кого себя и выдает, нет никакой нужды хватать ее за шиворот и представлять, куда надлежит. Может преспокойно уходить на все четыре стороны…

Я сложил документы обратно в бумажник, поднял глаза. Линда сидела, поставив чемодан на колени и держа обеими руками его поднятую крышку.

– Это что означает? – полюбопытствовал я.

Линда ответила с той же бледной улыбкой и слабенькой ноткой вызова:

– Чтобы вы довели дело до логического конца, господин майор. Где проверка документов, там и обыск…

Только этого не хватало – копаться в вещах девчонки, которая ни в чем не подозревается и задержанию не подлежит… Чисто для порядка поворошил двумя пальцами то, что лежало сверху, – в самом деле, платья, бельишко и туфли, все, надо полагать, что при ней было в Шпайтене. Только большую фотографию-паспарту взял в руки и рассмотрел внимательно. Молодой, близкий к моим годам (мне тогда было двадцать шесть) лейтенант в мундире тех времен, когда немецкая армия до Гитлера звалась еще не вермахтом, а рейхсвером – нацистского орелика на груди нет. Ага, и надпись на обороте: «Милой Линде от папы. Теперь папа лейтенант. 07.09.1930». И без надписи, и без вопросов ясно, что это отец – невооруженным глазом видно несомненное сходство.

Вообще-то в его годы, с его выслугой и безупречным (Линда упоминала с плохо скрываемой гордостью) послужным списком полагалось бы уже если не полковником быть, то самое малое подполковником. А он застрял в капитанах, на батальоне. Ну, Линда же говорила: не скрывал он особенно ни своего отношения к наци, ни уважения к Бисмарку и его заветам. Видимо, все же взгляды свои высказывал достаточно осторожно, меру знал – так что (я специально спрашивал) никаким репрессиям никогда не подвергался, даже в сорок четвертом, когда генералы устроили заговор против Гитлера, неудачно

подложили бомбу, и гестапо гребло не только замешанных и причастных, но и в чем-то сомнительных. Линда рассказала еще – в сорок первом, когда немцы готовились напасть на Советский Союз, какой-то недоброжелатель отца с золотыми генеральскими дубовыми листьями на красных петлицах изрек: «Ну, раз он такой почитатель Бисмарка и наверняка тайный русофил, нечего ему делать на Восточном фронте, пусть остается на прежнем месте». Видимо, ничем другим не мог напакостить. То есть, как теперь ясно, это он думал, что напакостил, не пустил на передовую; где капитана обязательно ждали бы повышения в чинах и награды. А получилось – весьма даже не исключено – жизнь спас. В Европе с сорокового года войны не было, и капитан четыре года, до высадки союзников, проторчал в тылу не где-нибудь, во Франции, прямо-таки на курорте. Ну что же, не самый скверный экземпляр немецкого офицера. Встреться он мне, я бы, разумеется, с ним обниматься по-дружески и не подумал (всё же исправно служил, несмотря на взгляды), но отнесся бы к нему гораздо лучше, чем к тем, кто воевал против нас…

Я защелкнул застежки и поставил чемодан на землю рядом с ее невысоким сапожком.

– Ну как, господин майор? – спросила Линда. – Я прошла испытание? Больше не считаюсь подозрительной личностью в расположении войск?

– Не считаешься, – суховато ответил я.

Закурил и в который раз протянул ей пачку «Гитанес» (я тогда не знал, что у французов, в отличие русских и немцев, слова, пишутся совсем не так, как произносятся, и сигареты звались «Житан». И Колька не знал, иначе непременно пустили бы шуточку вроде «Жиган курит «Житан».

Молчание воцарилось определенно неловкое – я понятия не имел, о чем с ней дальше говорить, да и она наверняка тоже. А торчать тут еще предстояло какое-то время: хвост танковой колонны уже виднелся вдали, но один ИС встал у самого въезда на мост, загородив дорогу остальным, и, судя по суете «копченых»[2 - Прозвище танкистов в Отечественную.], что-то у него случилось с двигателем. Даже сюда доносились маты их подбежавшего офицера.

Самым простым выходом было бы встать и уйти, оставив ей сигареты. Но что-то мне сделать это не давало. Сложные у меня были чувства, мне самому не вполне

и понятные… Мешанина чувств и мыслей.

С немками я общался не впервые. Если уж откровенно, с двумя даже случились скоротечные военно-полевые романчики – в нарушение известного приказа, но при тех самых обстоятельствах, когда никто не уличил бы. Оба раза на одну колодку: офицер на квартире и хозяйка – молодая симпатичная вдовушка, отнюдь не избегавшая маленьких житейских радостей. Обе не успели завести детей, у одной муж погиб в Африке в сорок втором, у другой вообще в тридцать девятом в Польше…

Здесь было что-то совсем другое. До сих пор немецкие беженцы для меня, как практически и для всех остальных, оставались этакой безликой серой массой, на которую и внимания не обращаешь. И вот я впервые долго поговорил с одной, к тому же молодой и красивой. Но дело не в том даже, что она красивая, – человека в ней увидел. С удивлением, с неудовольствием поймал себя на том, что начинаю ее жалеть.

И еще… Было в ней что-то, чему я и сегодня не в состоянии подобрать точного определения. Какая-то непонятная притягательность, что ли. Не имевшая ничего общего с обычным мужским интересом. Не хотелось думать, что я сейчас уйду и вскоре уеду, а она останется на этой чертовой обочине. Что с ней будет? К бабке не ходи, одно из двух: либо свалится и загнется на дороге от слабости и голодухи (видели мы не раз таких покойников), либо попадет в руки беззастенчивым ухарям, напрочь лишенным обходительности Кольки-Жигана. И в этом случае неизвестно, выживет ли. И корни у нее славянские, и отец против нас не воевал, и притягательность эта странноватая – я не мальчик, но такой раньше ни в одной женщине не видел.

По складу характера я никак не тугодум, да и война давно приучила быстро принимать решения. Вот и сейчас я твердо принял решение, сам себе в глубине души удивляясь. Принял, однако, словно с головой в холодную воду бросился. Авантюра, конечно, и уж безусловно нарушение известного приказа, но на войне, что уж там, многое сходило с рук. Бог не выдаст – свинья не съест. На семь бед один ответ. Можно подобрать еще кучу пословиц и поговорок. А если еще учесть, что я, как жизнь показала, везучий…

– Линда, – сказал я. – Ты когда в последний раз ела?

– Вчера днем, – ничуть не удивившись, просто ответила она. – У меня оставалось последнее колечко, тоненькое, но золотое, с маленьким, но бриллиантиком. Отец подарил на совершеннолетие. Мне попался фермер… – Она горько улыбнулась. – Благородный немецкий фермер… За колечко он мне дал вот такой кусок колбасы (она показала пальцами сантиметров пятнадцать), два вареных яйца и краюшку хлеба. Вообще-то он мне предлагал остаться у него… ну, вы понимаете. Говорил, что я непременно пропаду, если пойду дальше, а он вдовец, обещал хорошо кормить и не утруждать работой… Я отказалась, очень уж противный был тип: лысый брюхан с сальной физиономией. Видимо, я еще не дошла до предела, за которым все безразлично, и в том аду, в который превратилась Германия, многое из прежней жизни приходится отбросить: мораль, гордость…

– Есть предложение, – сказал я. – Поедешь со мной. Иначе ведь пропадешь, как пить дать.

– Пожалуй… – сказала она без всяких эмоций. – Мне и самой это все чаще приходит в голову… – Пытливо, открыто посмотрела мне в лицо, и в ее больших серых глазах была та самая непонятная притягательность, что раньше мне у женщин никогда не встречалась. – Вы хотите сказать, что теперь я – ваш военный трофей? Знаете, я согласна… Я же только что говорила: слишком многое из прежней жизни приходится отбросить. Лучше уж так, чем и дальше брести в неизвестность – без единой ценной вещички, которую можно променять на еду, без всякой надежды добраться до тети, с нешуточным риском попасть в руки гораздо более худших людей, чем ваши солдаты… Мне почему-то верится, что вы не будете обращаться со мной скверно и грубо… Всё. Я дошла до предела. Могло быть гораздо хуже…

Я запустил про себя длиннющую тираду в тридцать три загиба и сказал:

– Крепко ошибаешься, Линда. У меня и в мыслях не было делать тебя «военным трофеем», никогда в жизни безвыходным положением женщины не пользовался и не собираюсь. Такой уж характер дурной, и поздно меня переделывать… Я просто-напросто собираюсь тебя устроить в безопасное место. Вот и все.

– Вы хотите сказать, что в этом аду еще остались безопасные места? – спросила она не то чтобы недоверчиво, но безусловно с той же горькой иронией.

– Представь себе, – сказал я. – Веришь ты или нет, но остались, хоть и мало. Честное слово.

Она смотрела мне в глаза очень долго, пытливо. Сказала наконец:

– Почему-то я вам верю, господин майор, хоть сама себе удивляюсь…

– Вот и отлично, – сказал я, подхватывая ее нетяжелый чемоданчик. – Пошли в машину.

Она молча пошла рядом. Поравнявшись с ординарцем, я сказал:

– Вася, это Линда. Едет с нами.

– Как прикажете, товарищ майор, – как ни в чем не бывало ответил Вася и пошел следом.

Некоторое удивление он скрыть не смог, но в общем и целом оставался бесстрастным, словно куперовский индеец – непростым парнем был Вася Тычко, прекрасно знал, что жизнь – штука сложная и в ней может приключиться что угодно. И эмоциям выход давал крайне редко. Я давно уже понял: мне с ним очень повезло…

Линде я нисколечко не соврал: как ни удивительно, безопасные места здесь все же имелись, пусть и не так уж много. Женские монастыри. Мы шли по католическим областям, и они нам попадались. Нацисты были форменным образом повернуты на культе древних германских языческих богов, но христианство не искореняли под корень, у них и капелланы в армии имелись, и женские монастыри в католических областях на юге Германии (мужских, правда, не было, вернее, были, но их по пальцам можно пересчитать, и оставались там совсем уж пожилые – годных по возрасту для службы они в монахи не допускали).

Благо имелся, что называется, живой пример. Две недели назад ребята из разведвзвода моего батальона катили по Германии и узрели на обочине култыхавшую неведомо куда в совершеннейшем одиночестве немецкую девчоночку лет шести, зареванную, обсиканную. Душа и не повернулась

оставить ребенка – остановились, взяли в машину, накормили, дали конфет, кое-как в конце концов разговорили. Оказалось, она шла с мамой и другими людьми, с неба налетело что-то грохочущее и громко стрекочущее, все разбежались, а мама и еще двое уснули и никак не просыпались. Сидела она, сидела возле них, проголодалась и пошла, сама не зная куда.

(Я так подозреваю, это снова повеселились наши доблестные союзнички – плохо верится, чтобы наш истребитель стал стрелять по беженцам, не слыхивал о таких случаях.)

Ну вот, а потом они задумались: что же с ней делать и куда прикажете девать? А вскоре им попался женский монастырь, их и осенило. Монахини (сразу видно, перепугавшиеся не на шутку) ребенка приняли.

Вот и с Линдой я рассчитывал проделать то же самое, когда в пределах досягаемости окажется другой монастырь. Задача, конечно, посложнее: взрослая девушка – это как-никак не дите малое, кто их знает, монахинь, они, конечно, служительницы Божьи, но и не святые, в конце концов. Ну, придется извертеться, обаяние включить, поискать у себя дипломатические способности, наконец, сыграть на образе «этих страшных русских». Туманно намекнуть: советское командование заинтересовано в том, чтобы девушка нашла на какое-то время приют в монастыре, и упускать ее из виду не будет. Продуктов им оставить, керосину – они тоже живые люди, а со снабжением у них сейчас не ахти. Ребята, когда пристраивали ребенка, как раз монахиням кое-каких трофейных продуктов оставили. Так что ничего нереального или утопического в моей задумке нет – при грамотной постановке дела вполне может выгореть, посложнее задачи решали на пятерку с плюсом…

Когда мы подошли к машине, я сказал Линде:

– Мне тут пришло в голову… Я пока положу твой чемодан в багажник, а тебе лучше бы умыться. Честно говоря, ты сейчас похожа не на дочь офицера, а на побродяжку.

– Я знаю, – слабо улыбнулась Линда.

– Ну вот… Вася, организуй.

– Есть, товарищ майор! – браво рявкнул Вася, даже каблуками прищелкнул и полез в машину.

Ох, Шельменко-денщик… В обиходе у нас такие просьбы никогда не сопровождались ни бравым рявканьем, ни тем более щелканьем каблуков. Это он, ухарь, перед Линдой рисовался, как уж имел возможность – разбитной был малый.

Из машины он вылез уже без автомата, зато с трофейным французским мылом в немецкой бакелитовой мыльнице, флягой воды и чистым полотенцем – мы люди запасливые, и при переездах брали в машину всякие необходимые в дороге вещи.

Укладывая в багажник ее чемоданчик, я краем глаза наблюдал за пятеркой орлов-разведчиков – их пижонский автобус стоял совсем недалеко, и орлы в полном составе покуривали возле него французские сигаретки. Двое в нашу сторону не смотрели, а вот троица, участвовавшая в ухаживании (если это можно так назвать) за Линдой, поглядывала на меня как-то странно. Колька-Жиган даже сделал движение, словно хотел подойти, но остался на месте. Что ж, я и сам с превеликой охотой с ним бы поговорил кое о чем и кое о ком, но это подождет до городка, не горит. Все равно остаток дня уйдет на обустройство, свободного времени найдется в избытке, вот я с ним и побеседую задушевно…

– Ну вот, совсем другое дело, – сказал я, увидев ее чисто умытой, и оттого сразу посвежевшей. – Теперь осталось причесаться – и опять будешь красавицей. Тебе дать гребешок?

– Нет, спасибо, у меня есть свой…

Она достала гребешок из правого кармана пальто и принялась старательно причесываться, помогая себе пальцами и временами невольно морщась от боли, – волосы не сбились в колтуны, но запутались изрядно. Я ощутил нешуточное злорадство – впрочем, не относившееся все же персонально к ней. Пышно выражаясь, колесо истории сделало полный оборот: теперь не наши, а немецкие женщины не умывались, не причесывались, пачкали лица, чтобы не привлечь внимание наших солдат. Линде, правда, не хватало совершенства в этакой вот маскировке, никак не удалось скрыть, что она красивая. И я вновь подумал: как так получилось, что ее пропустили те скоты на грузовике? Женщин

рядом с ней сцапали, а ее не тронули: светлым днем, когда могли ее хорошо рассмотреть. Жиган со товарищи издали высмотрели…

– Как я теперь выгляжу, господин майор? – спросила она, закончив, определенно с ноткой кокетства – ну да, едва стало ясно, что мытарства пока что кончились, включились извечные женские механизмы.

– Прекрасно, – сказал я, ничуть не покривив душой. – Садись в машину, будем тебя кормить.

И распахнул перед ней дверцу, мимоходом глянув в сторону застопорившего колонну красавца ИС, – до сих пор возятся, не похоже, что дело идет к концу…

Кузьмич принял явление Линды в машине невозмутимо, только глазом чуть повел в ее сторону, когда она влезала. То ли Вася успел ему шепнуть пару слов, то ли, скорее всего, снова дала о себе знать натура. Кузьмич у нас, до войны насквозь деревенский из псковской глухомани, отродясь не слышавший о буддизме, тем не менее ко всему происходящему вокруг относился с каменным спокойствием буддийского монаха-отшельника (я о них в свое время немножко чи- тал).

– Сделай пару добрых бутербродов, Вася, – распорядился я. – С колбасой или ветчиной, что там ближе, с сыром… Обоснуемся в городе – пообедаем по-настоящему.

Пока он мастерил бутерброды, я отвинтил крышку-стакан вместительного немецкого термоса и налил Линде кофе. Спросил:

– Коньяку немного плеснуть?

– Немножко…

Вася передал мне бутылку, и я плеснул. Линда, держа стакан обеими руками, вдохнула аромат и выдохнула чуть ли не завороженно:

– Настоящий… Сто лет не пила настоящего, только эрзац. Хорошо все же живется русским офицерам: ветчина, настоящий кофе, французский коньяк…

– Немецким, Линда, немецким, – поправил я с ухмылкой. – Мы все это на немецком военном складе прихватили. Явно не рядовым предназначалось…

Она чуточку смутилась и замолчала. Я опустил перед ней откидной столик – они на спинках обоих передних сидений имелись. Сегодня у нас такие на каждом пассажирском самолете, а тогда для нас это была экзотическая новинка, думаю, для большинства простых немцев тоже. Да уж, любили их партийные функционеры барские замашки…

Ела она, что мне понравилось, аккуратно, без жадной спешки, хотя голодна была не на шутку. Ну, подумаешь, сутки поголодала… Я летом сорок первого выходил из окружения, четверо суток крошки во рту не имея, потом только удалось разжиться кое-какой едой в деревне…

Пока она ела, «копченые» починились, а там колонна миновала мост, и замыкающий танк исчез с глаз. Еще с четверть часа проносились их грузовики, потом мост очистился. Появилась регулировщица, ладненькая, бравенькая, с карабином за спиной – зрелище, в первые годы войны немыслимое. Лихо, сноровисто засемафорила флажками.

– А ведь это нам, Кузьмич, – сказал я. – Зря мы, что ли, первые в очереди? Аллюр три креста!

Сначала, когда миновали мост, машину непрерывно и ощутимо потряхивало – колонна изрядно подпортила гусеницами бетонку. Однако потом, примерно через полкилометра, колонна свернула и пошла чистым полем – видимо, им так было ближе к пункту назначения, – и дальше мы форменным образом летели. Великолепные у немцев были автобаны, нужно признать.

Линда сидела раскрасневшаяся после коньяка, повеселевшая, а вот мне достались нелегкие думы. Какое-то время, пока не попадется монастырь, ей придется ездить со мной – и какая-нибудь добрая душа может, гм, просигнализировать, то ли по обязанности, то ли по велению сердца. Возможны неприятности.

Вся дивизия знает, что с командиром артиллерийского полка третью неделю ездит молодая красивая француженка. Самая настоящая. Немцы ее отправили сюда на работу, потом пришли мы, и вышло так, что она пересеклась с

подполковником Козиным, а он мужик видный. Девушка прекрасно понимала, что на родину ей через линию фронта ни за что не попасть, и намеревалась остаться с подполковником до конца войны. И с командиром одного из стрелковых полков ездит черноокая белорусская дивчина, которой просто некуда возвращаться – деревеньку ее немцы сожгли, половину односельчан, в том числе и ее родителей, перестреляли, а молодежь угнали в Германию.

Все это знают, и начальство со смершевцами тоже, но притворяются, будто ничего не знают. Подобные мелкие поблажки молчаливо дозволяются тем, кто на хорошем счету. Предположим, я тоже, но тут случай особый: насчет француженок, девушек других национальностей и наших угнанных никаких приказов нет, а вот касаемо немок как раз есть, по-военному недвусмысленный. Так что может чувствительно нагореть…

Ну, не оставлять же ее теперь на обочине. Остается вспомнить ворох тех самых пословиц и поговорок и добавить к ним пару других. Взялся за гуж – не говори, что не дюж. Бог не выдаст – свинья не съест. Вообще, у меня стал помаленьку формироваться некий план, основанный на славянской фамилии Линды, месте рождения и неплохом знании ею русского. Легонькая авантюра, конечно, но именно такие сплошь и рядом проскакивают. А чтобы не тянуть, нужный слух нынче же вечером распустит тот же Вася, притворяясь, будто втихаря сплетничает об отце-командире – у него тоже в характере легкая авантюрная жилка, хоть и не выливавшаяся никогда в нечто предосудительное на манер Жигана…

Вот и городок. Картина насквозь знакомая и уже приевшаяся: из многих окон свисают импровизированные белые флаги, чаще всего из простыней и наволочек, хотя попадаются и скатерти с бахромой и вышитыми надписями (немцы такое любят). Ни единой немецкой живой души на улицах: все сидят по домам тихонечко, как мышки, и гадают: будут их страшные большевики есть живьем без соли и горчицы или пронесет? Потом-то самые смелые выползут. А если где-то белого полотнища не видно, хозяева, к бабке не ходи, подались в беженцы.

Городок, не особенно большой, но и не крохотный, был, переводя на наши мерки, райцентром. Как у немцев именовалась область, я помню («гау» – коротко и звучно, на «гав» похоже), а вот как у них звался райцентр, я запамятовал напрочь. Райцентр, в общем. Даже электростанция имелась, снабжавшая током несколько окрестных городков. Наши собирались прочесать городок в поисках

персонала и к вечеру, если повезет, станцию запустить (немцы, по данным разведки, ничего там не напортили, и кое-какой запас топлива имелся). Понятно, заботились мы не о немцах, а о себе – повсюду размещались наши части, к тому же за свет платить не надо…

– Школа, – показал Вася вправо. – Учеба, понятно, пока что встала, хотя у них сейчас вроде и не каникулы. Вот зуб даю – детишки рады-радешеньки, несмотря на войну. Когда занятия отменяют, да еще неизвестно, когда они опять начнутся, – это ж для детей праздник души…

Внушительная была школа, трехэтажная громадина явно начала века постройки. Тут и думать нечего: сюда свозили детишек из окрестных городков, для него одного такая махина совершенно ни к чему, в нем детей школьного возраста хорошо, если на один этаж наберется. Школа мне понравилась с чисто практической точки зрения: в школе, особенно в такой, чертову уйму бойцов разместить можно…

Вскоре я увидел слева католическую церковь, устремленную в небо высокими острыми башнями. Очень может быть, веков нескольких от роду – такой уж у нее был вид.

Когда мы проезжали мимо, Линда перекрестилась.

– Верующая? – спросил я.

Она улыбнулась уже не так бледно:

– Честно признаться, довольно нерадивая, но все равно… А что? У вас до сих пор запрещено верить в Бога?

– Да нет, – сказал я. – И церкви открыты, и не запрещено туда ходить, военным тоже разрешено. Из интереса спросил.

Хорошо, что здесь есть церковь. Где церковь – там и священник. Ни разу мы не сталкивались со случаем, когда священники подавались бы в беженцы, всегда оставались на месте. Очень похоже, им это их уставы предписывают – не бросать прихожан в бедственные времена. Вот и отлично: уж священник-то

должен знать, где в этих местах ближайший женский монастырь. Выберу время, схожу к нему…

– А вы верите в Бога, господин майор? – спросила Линда.

– Не знаю, – честно сказал я. – Иногда кажется, что да, а иногда… Многие на войне начинают верить всерьез, но я как-то не определился пока…

Линда промолвила с нескрываемой грустью:

– Многим кажется, что Бог от Германии и немцев отвернулся, и мне иногда тоже…

Резонно, подумал я. Не знаю, есть ли Бог (точных разведданных на сей счет не имеется), но если он все же есть, от немцев он, очень похоже, и в самом деле отвернулся. Сами виноваты, было за что. Так что поторопились чеканить на пряжках солдатских ремней «Готт мит унс» – «С нами Бог», ох, крепенько поторопились…

– Налево, Кузьмич, – сказал Вася. – А вон у того зеленого с белыми рамами дома – направо – и жми по прямой, я покажу, который. – Обернулся ко мне: – Я там уже был, товарищ майор. Маленький, но аккуратный, все разместимся. И гараж есть, на одну машину, но нашему красавцу места хватит. Жил там какой-то врач. Мы с Кузьменком вдвоем дом осматривали. У него в кабинете по стенкам развешаны всякие красивые бумаги под стеклом и в рамочках, вроде похвальных грамот. Я в немецком не силен, но уж «артц» разберу. «Доктор». У него на половине грамот немецкий орел со свастикой. Будут насчет них какие-нибудь распоряжения? Там портрет Гитлера висел – ну, его-то, не дожидаясь распоряжений, мы с Кузьменком из рамки выдрали, скомкали и в мусорное ведро выкинули…

Чуть подумав, я сказал:

– Те, что с ореликом, – выкинуть. Те, что без, – оставить. Мне в этом кабинете сидеть еще неизвестно сколько, ни к чему мне орелики. А хозяин с семейством где?

– Как пить дать, сбежал. Семейства у него определенно не было, жил холостяком, явно с экономкой. И у нее в комнате, и у него в гардеробной у всех шкафов дверцы нараспашку, вещи поразбросаны, как будто собирали чемоданы в жуткой спешке. – Вася хмыкнул. – Врач, интеллигентный человек, а туда же… В бега пустился, видать, тоже думал, что большевики его с ходу живьем зажарят… А знаете что, товарищ майор? Можно нынче же вечером банный день устроить. У него там ванна громадная, воду греет колонка, какими-то брикетами топится, из опилок, что ли. Брикетов этих в подвале целая куча, и в ванной лежат. Я посмотрел – ничего хитрого, печка и печка. В два счета справлюсь. Как думаете, товарищ майор? Все последний раз неделю назад мылись, когда военно-полевой помывочный пункт приезжал.

– Положительно смотрю, – сказал я и усмехнулся: – Разбаловала нас Германия, однако. Неделю не мылся – и уже загрустил. Месяцами не мылись, а то и гимнастерки не снимали…

Но сам я не имел ничего против, наоборот, на войне привыкаешь быстро пользоваться любыми маленькими радостями мирной жизни, как только они появляются.

Линда, не сдержавшись, мечтательно протянула:

– Боже мой, горячая ванна…

– Хорошее дело, – кивнул я. – Ладно, сегодня вечером объявляю по вверенному мне гарнизону из вас троих банный день… точнее, купальный вечер, но какая в нашем положении разница? Вася, далеко еще?

– Да уже, считайте, приехали, товарищ майор. Кузьмич, давай направо… и во-он к тому домику, где братья-славяне с секретной гробиной… – он оглянулся на Линду и вовремя подыскал другое словечко: – Мучаются…

Впрочем, вряд ли их в Шпайтене учили таким словечкам, что чуть не сорвалось у него с языка. Действительно, у распахнутых ворот ровным счетом восемь братьев-славян сгружали со стоявшего к нам задом «Студебеккера» навязанную мне обузу – посеченный осколками сейф чуть ли не в человеческий рост (тоже германский трофей). Я не сдержался и досадливо поморщился (почему так – объясню чуть позже, это к нашей истории имеет прямое отношение).

У калитки прохаживался с автоматом на плече Лёва Кузьменок из разведвзвода – надежный парень, белорус, в шестнадцать лет ушел в партизаны и партизанил три года (упоминал он об этом скупо, но немцев за ним должно было числиться немало, да и скурвившихся землячков-полицаев тоже), а после освобождения Белоруссии пришел в военкомат, когда тот только обустраивался и еще не объявлял призыва. Культурненько так пришел – со «шмайсером» на плече, эсэсовским кинжалом и гранатами на поясе – и очень огорчился, узнав, что всю эту благодать ему в армию взять не позволят – казенное выдадут. Предложили мне его в разведвзвод (у меня там были потери), и я, выслушав его краткую, но впечатляющую биографию, взял – о чем не пожалел.

Прежде чем выслушать его рапорт, я посмотрел через его плечо – пройдет ли сейф в дверь? Ведь если нет, придется косяки сворачивать, а если и это не поможет, другой дом искать, – за сейф я отвечаю, куда бы я ни попал на постой, должен при мне находиться…

Лёва, как положено, откозырял и отрапортовал, что за время его дежурства никаких происшествий не произошло. Невозмутимостью Кузьмича и выдержкой Васи Тычко он все же не обладал, а потому уставился на Линду с безмерным, нескрываемым изумлением. Девчат он, конечно, навидался – просто-напросто никак не ожидал, кроме нас троих, увидеть в нашем небольшом, но дружном коллективе девушку совершенно штатского вида с цивильным чемоданчиком.

– Нижнюю челюсть па-адабрать! – ухмыляясь, подал ему Вася абсолютно неуставную команду, и мы вошли в небольшой вестибюль.

Солдаты волокли сейф на второй этаж, пыхтя и сыпля теми словечками, которым Линду в институте не учили, а судя по ее безмятежному лицу, она их в жизни не слышала – где бы ей выпал случай?

Домик был двухэтажный, небольшой, но уютный. Слово «комфорт» тогда было совершенно не в ходу и в книгах не попадалось, но теперь-то я смело могу сказать, что он был чертовски комфортабелен – сумел обустроиться беглый герр доктор. После осмотра выяснилось, что мне идеально подходят как кабинет доктора, так и его спальня. Кабинет оказался не особенно большой, но у меня никогда и не бывало многолюдных совещаний – должность такая. А комната экономки идеально подходила для Линды. Разве что нужно послать Васю раздобыть в кабинет штуки четыре стульев. Сам Вася с Кузьмичом, как обычно в

похожих случаях, разместились в одной комнате, в библиотеке. Оставались свободными гостиная и еще две комнаты непонятного назначения, но так уж они привыкли.

Одним словом, через четверть часа все было в порядке – немногочисленный гарнизон расквартирован, а служебные обязанности начнутся завтра утром – всем, не только нам, сегодняшний день отведен на обустройство. Учитывая, что между нами и немцами не только неизвестное расстояние, но и укреплявшиеся в десяти километрах отсюда два стрелковых полка и изрядное количество танков к тому же, внезапной атаки опасаться не следовало. Была, конечно, возможность, что с противоположной стороны объявятся наобум отступающие немцы. В тех местах не установилась ярко выраженная линия фронта, и кое-где обстановка напоминала слоеное пирожное: наши – немцы – наши – немцы. Но все равно, наобум отступавшим пришлось бы миновать несколько других городков, так что меня успели бы вовремя предупредить.

Поэтому я со спокойной совестью надел фуражку и отправился по сугубо личным делам – потолковать по душам с Жиганом о некоторых странностях жизни, имевших место всего-то с час назад. На первом этаже разминулся со связистами, тянувшими ко мне в кабинет провод полевого телефона.

Городок уже кипел жизнью, но исключительно советской военной – катили грузовики и санитарные автобусы, проехал один из моих броневиков, трофейный немецкий «Лухс», связисты тянули провода, там-сям у намеченных заранее квартирьерами домов вылезали из кузовов бойцы, разгружали имущество и боеприпасы. Всезнающий Вася нарисовал мне на листке из блокнота, как пройти к отведенному разведчикам дому, и я практически не плутал, поглядывая на перекрестках на исполненные готическим шрифтом таблички с названиями улиц.

Вот она, Герингштрассе – кстати, надо бы табличку сбить, как и другие ей подобные, но это успеется, пусть пока повисят. Так, вот и двадцать шестой дом, чем-то похожий на «мой», – возможно, один архитектор в одно время и строил, очень уж много общего. Тоже двухэтажный, только побольше, да по сторонам крыльца высятся две раскидистые липы.

Поднявшись на крыльцо, я не стал дергать шнурок звонка – к чему эти китайские церемонии? – просто взялся за вычурную, жарко начищенную дверную ручку, потянул на себя и вошел в небольшой вестибюль, где на одной

из стен красовался неплохой подбор старинного – самый молодой экземпляр помнит прошлое столетие – холодного оружия, дюжины две, расположены красиво, можно сказать, с душой.

Видимо, я слишком сильно хлопнул дверью – из одной из дверей появилась немка – и какая! Примечательная была немка: еще не старуха, но безусловно разменявшая седьмой десяток, осанистая, можно даже сказать, величавая, с пышными седыми волосами и невозмутимым лицом этакой советской директрисы школы. Старомодное платье из синего бархата, а прозрачные камушки в золотых серьгах и большой броши, конечно же, бриллианты – этакие дамочки стекляшек не носят. Чем-то она мне напомнила портреты Екатерины Второй в пожилые годы.

– Чем могу служить, господин офицер? Простите, я не разбираюсь в ваших чинах, но уже знаю, что полосы и звезды на погонах означают офицерские чины, в точности как во времена российской императорской армии. Правда, в те времена не было таких знаков различия – одна звезда при двух полосах, – но всякая военная форма со временем меняется… – Она церемонно склонила голову. – Фрау фон Хальсдорф.

Ну, и мы не ударим в грязь лицом… Я откозырял по всем правилам – рука не отсохнет, а тетушка пусть убедится, что и мы политесу учены.

– Гвардии майор Седых. У вас расквартированы наши солдаты…

– Да, обер-лейтенант и четверо нижних чинов. – Она добавила таким тоном, словно я должен был радоваться похвале: – Должна отметить – ваши солдаты ведут себя безукоризненно. В частности, они долго рассматривали коллекцию оружия, но не то что ничего не взяли, а не сделали даже попыток взять что-то в руки. Любопытно, такое поведение вызвано исключительно присутствием офицера или есть другие причины?

– Есть, – сказал я. – Отдан приказ обращаться с мирным населением вежливо. Тем более мы не воюем с женщинами.

И мысленно добавил: конечно, если они не носят мундиров и не тычут в нас стволами. Был случай в одном немецком городке на Одере: я, так уж вышло, оказался с пистолетом в кобуре и автоматом за плечом. Метров с пяти в меня

пальнула из пистолета выскочившая из-за угла девица в форме женских вспомогательных частей СС. Промазала, зараза; а второй раз нажать на спуск не успела – Вася Тычко срезал ее очередью…

– Коллекцию собирал мой покойный супруг. – И добавила чуть спесиво: – Он был полковником, вышел в отставку еще до того, как рейхсканцлером стал этот австрийский художник-недоучка, кривляка и горлопан. Супруг оказался пророком, когда говорил, что этот фигляр в конце концов обрушит Германию в пропасть…

Везет мне на это старое офицерство, втихомолку презирающее Гитлера. Если не сами попадаются на пути, то их дочки или вдовы. Наверняка у нее висит где-то парадный портрет Бисмарка. Вот только ручаться можно: и эта осанистая дама по ночам антифашистские листовки не расклеивала, не говоря уж о чем-то более серьезном. Те, в сорок четвертом, хоть бомбу подложили. Переворот у них, правда, получился довольно опереточным, но, по крайней мере, пытались что-то сделать, не ограничились воркотней по углам…

– Вот, кстати, господин майор. Пользуясь случаем, я хотела бы узнать… Мы, немцы, превыше всего ценим порядок. То, что у меня висит на стене оружие, – она спокойным, плавным мановением руки показала на стену, – не противоречит ли тем порядкам, которые вы у нас намерены ввести? Господин обер-лейтенант ничего об этом не говорил, но вы, несомненно, будете их у нас вводить. Люди говорят разное, но это пока только слухи, слухов особенно много во время войны…

– Ничуть не противоречит, – сказал я. – Это не оружие, а сплошной антиквариат. Другое дело, окажись у вас что-то огнестрельное…

– После мужа остался пистолет, – спокойно сказала она. – Все эти годы я его регулярно смазывала и чистила – муж говорил, что оружие должно содержаться в порядке. Есть и патроны, я их тоже смазывала и следила, чтобы не появилось ржавчины.

– Вот это вам лучше сдать, – сказал я. – Можно сейчас же, мне. Так получилось, что я по совместительству еще и военный комендант города. Приказов еще не успели издать, но одним из первых, как в таких случаях полагается, будет приказ о сдаче огнестрельного оружия. Порядок…

– О, я понимаю…

– Я здесь по служебным делам, – сказал я. – Я еще и командир тем солдатам, что у вас на постое, и у меня к ним служебные дела…

– О, я понимаю, – повторила она, показала на лестницу на второй этаж. – Прошу, господин майор. Там и кабинет мужа, и гостиная, где разместились ваши солдаты. Я предложила господину обер-лейтенанту отдельную комнату, но он сказал, что останется со своими солдатами. Что ж, у вас свои порядки…

Всевозможные этикеты я знал плохо, но помнил, что воспитанный человек должен подниматься по лестнице впереди дамы. Ну, я и поднялся – особым воспитанием не мог похвастать, откуда оно у меня, разве что в военном училище нас кое-каким азам хорошего тона учили, но пусть видит, что и мы не лыком шиты.

Как и следовало ожидать, кабинет был выдержан в надлежащем старому служаке стиле – ничего лишнего, старомодная мебель строгих очертаний, книги на невысокой полке исключительно на военную тематику – я к тому времени неплохо разбирался в готическом шрифте и с маху прочитал несколько надписей на корешках. Батальное полотно, судя по мундирам, на сюжет из Франко-прусской войны – ожесточенная кавалерийская стычка, естественно, пруссаки ломят, а французы гнутся – ну, и в жизни пруссаки французам тогда изрядно навешали… Опять-таки, как и следовало ожидать, – парадный портрет Бисмарка. Интересно, на каком фронте полковник в Первую мировую служил? Но хозяйку выспрашивать я не стал – даже если на Восточном, та война была совсем другой…

Хозяйка выдвинула один из ящиков монументального письменного стола и подала мне не особенно большую деревянную шкатулку. В крышку врезан серебром герб, весьма даже незамысловатый – три дерева на трех остроконечных вершинах. Я еще в курсантские годы интересовался геральдикой, так что знал: чем незатейливее герб, тем он древнее. Корона «простого» дворянина, не титулованного – пять шариков на зубцах, следовательно, фон был вовсе не фон-барон.

Поднял крышку. Вспоминая реплику из гораздо более поздней кинокомедии, это я удачно зашел. В гнезде на темно-синем бархате лежал австрийский «шрейер»

образца 1911 года, и в самом деле выглядевший ухоженным, – надежная машинка с постоянным магазином. В других – обойма, с помощью которой сверху заряжается магазин, и патроны. Я их машинально пересчитал: двадцать четыре – ну да, на четыре полные зарядки.

Я уже решил, что оставлю пистолет себе. Очень многие, включая рядовых, обзаводились трофейными пистолетами, некоторые даже маленькие коллекции собирали, что начальством совершенно не преследовалось. Особенно ценились те, что в дорогом исполнении, и всякие редкие образцы. У меня были три таких ствола, с удовольствием присовокуплю к ним и этот – доводилось держать в руках, и только.

– Господин майор, – невозмутимо сказала фрау фон, когда я по-хозяйски взял коробку под мышку. – Мне полагается какой-нибудь документ, что оружие я сдала?

– Пожалуй, нет, – сказал я. – Мы стараемся обходиться без лишней бюрократии.

В ее взоре явственно читалось, что никакая бюрократия лишней не бывает, но промолчала, очевидно, понимая, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Сказала все так же невозмутимо:

– В таком случае пойдемте, господин майор, я покажу, где разместились ваши подчиненные. Я понимаю: дела службы превыше всего…

Мы вышли в коридор, и она указала на одну из массивных дверей темного дерева. Поблагодарив, я распахнул дверь без стука – в армии не стучатся – и вошел. Пятерка орлов-разведчиков проворно встала и вытянулась.

– Вольно, – сказал я и не спеша огляделся.

Разведка обустраиваться умеет: гостиная была немаленькая, и здесь свободно разместились пять раскладных железных офицерских походных кроватей – трофейных, естественно, у нас такие делали только до революции, а немцы продолжали до сих пор. Пару недель назад наткнулись мы в одном городишке на очередной склад. Кровати, конечно, достались только офицерам, причем далеко не всем, и персонам с некоторыми привилегиями, разведчикам в том числе. Я себе тоже такую взял – удобная вещь, если придется обосноваться там,

где обычных кроватей не имеется.

Справа красовался парадный портрет Бисмарка – гораздо больше того, что я видел в кабинете, в массивной золоченой раме, но точная копия кабинетного. «Железный канцлер» смотрел орлом – парадный мундир, каска-«пиккельхаубе», густые эполеты, орденская лента через плечо, куча регалий высших степеней. Слева – две одинаковые по размеру большие фотографии в застекленных рамках. Пожилой полковник в форме рейхсвера, с моноклем в глазу, прямой, словно аршин проглотил, тоже смотрит орлом, хотя и, в отличие от Бисмарка, чисто выбрит. Судя по количеству наград, не за печкой отсиживался, строевик. Даже несомненный турецкий орден имеется – ага, и в Турцию заносило…

Подполковник в мундире вермахта, наверняка сын – особенного сходства, правда, не усматривается. Молодой, не старше тридцати, тоже пытается смотреть орлом, но получается хуже, чем у Бисмарка с папашей. Наград гораздо меньше, чем у бати, но и ленточка Железного креста второй степени на кителе, и крест первой степени на шее – тоже не из запечных.

– Молодцы, – ухмыльнулся я. – Бисмарку и папироски в рот не сунули, и глаза не выкололи…

– Обижаете, товарищ майор, – четко уловив интонацию текущего момента, с развальцой бывалого солдата сказал Жиган. – Мы ж не сиволапая пехота…

– Ага, сиволапая, – усмехнулся я без всякого раздражения. – А ты у нас из потомственных графьев будешь? Или все же крестьянский сын с-пид Полтавы?

– Насчет графьев – чтобы да, так нет (любил он вворачивать одесские словечки, хотя, как там же говорят, его с Одессой и рядом не стояло). – И даже не с-пид Полтавы, а из деревеньки поглуше. И все же не стоит нас с обычной пехотой равнять, бежать с винтовкой и кричать «Уря!» – дело нехитрое. А пусть они попробуют из немецкого тыла штабного полковника целехоньким приволочь…

Я хмыкнул:

– Полковник, конечно, в хозяйстве вещь всегда нужная, но вот если бы ты генерала приволок… Я бы тебя не просто зауважал – к ордену бы представил немедленно… Серьезно.

– А вдруг да приволоку? – сказал он не так уж шутливо. – Я везучий. А время сейчас для немцев самое несчастливое, у них, случается, и генералы всполошенными зайчиками бегают. Говорят, в соседней армии было такое, напоролась разведка на генерала, куда-то драпавшего на одной-единственной машине, без охраны… Ихние знаки различия мы отлично знаем, не допустим такой оплошки, как наша доблестная пехота, в том городке с часами, что остались в исправности и время исправно отбивали. Сцапали братья-славяне представительного такого немца. Шапка вроде ведерочка, султан на ней и орел здоровущий. Мундир не то чтобы роскошный, но повсюду пуговицы рядочками нашиты, разве что на заднице не было. Блескучие… Ну, они и решили по невежеству свежему, что генерала сграбастали, размечтались, как будут вскорости дырки для орденов вертеть. А это оказался мелкий чин с местной шахты, вроде нашего прораба, неведомо с какого перепугу парадный мундир напяливший. Вот и лопухнулась Рязань косопузая или кто они там… Не слышали, товарищ майор?

– Как не слышать, – сказал я. – Вся дивизия ржала, и даже, говорят, по армии прошло… Ладно, насчет генерала имей в виду. Я тут с вашей хозяйкой мимоходом познакомился. Вот где представительная дама; причем неподдельная, вдова фона и полковника. – Я кивнул на портрет того, пожилого, с моноклем. – Прямо-таки императрица по осанке…

– Да уж, – усмехнулся старший лейтенант Мазуров. – Старорежимная школа, империю помнит, в восемьсот девяносто девятом замуж выходила. – Мы потом разговорились немножечко. Ко мне она относится со всем расположением, потому что я «герр обер-лейтенант», а вот «нижних чинов» в упор не видит, они для нее пустое место. Когда мы заселялись, сначала перепугалась, думала, мы ее к стенке поставим. Но виду не показывала, явно собиралась помирать с достоинством. Ну, потом поняла, что мы не людоеды, успокоилась. Поговорили немного. Мы ей дали шоколаду, кофе, еще того-сего. Взяла, глаза разгорелись – надо полагать, несмотря на то что вдова полковника и сама фон, на карточках сидела, на эрзацах. И все равно, сама в благородные ручки не взяла, кликнула экономку. Та тоже нос дерет, хоть до хозяйки ей и далеко… – Он посерьезнел. – Намечается для нас работа, товарищ майор? Хотя… Если бы намечалась, вы бы сразу перешли к делу и болтовню Ярчука не слушали бы…

– Правильно рассуждаете, – кивнул я. – Приказ прежний: весь сегодняшний день на обустройство. Но скоро… Мне не сердце вещует, опыт подсказывает: вскорости будет работа. – Я кивнул на фотографию бравого подполковника: –

Явно сынок… Интересно, где воюет – если еще воюет, а не в плену, в госпитале или вообще в Валгалле…

– Я так полагаю, в Валгалле, – кивнул Мазуров. – Сама сказала, даже с некоторым вызовом: убили в сорок первом под Москвой, когда наши пошли в наступление.

Он под Москвой не был, в армию взяли только осенью сорок второго, а я вот под Москвой был. Посмотрел я еще раз на бравого подполковника, одного из превеликого множества тех, кому суждено оставаться молодыми навсегда, и подумал без всяких эмоций: предупреждал же ваш Бисмарк – никогда и ни за что не лезть в Россию. Не послушались умного человека, дураки, вот и огребли дважды, сначала империю прогадили, теперь Третий рейх. И далеко не всем достался березовый крест с каской: насмотрелся я на вас, как вы вдоль дорог валялись, закоченевшие, а то и прямо на дороге. Ну и нечего было лезть, мы таких гостей не ждали и пирогов не напекли, чем могли, тем и встретили…

– Одним словом, служебных дел у меня к вам нет, – сказал я. – Просто хотел бы поговорить с сержантом Ярчуком… пожалуй что, по чисто личном вопросу.

– Конечно, товарищ майор, – сказал старший лейтенант.

Ни он, ни Байситов явно не усмотрели ничего необычного в таком желании отца-командира. Быть может, решили, что я намерен дать Кольке втык за не известные самому Мазурову художества, – чему Мазуров был бы только рад. А вот Жигановы «мушкетеры» переглянулись определенно с тревогой, я бы даже сказал, заполошно. Да и у Жигана лицо стало странноватое, я так и не мог определить, что за чувства мешаются на его физиономии. Что интересно, там вроде бы и облегчение присутствовало.

– Пойдем, Коля, на крылечке побеседуем, – сказал я.

И направился к двери, не оборачиваясь, но слышал, что он послушно идет следом. Спустился по лестнице впереди него, хотя он безусловно не был дамой. В вестибюле мы не встретили ни хозяйки, ни экономки. Вышли на крылечко, под липы, на которых уже появились почки – рано в Германии наступает весна, не то что у нас в Сибири.

Жиган достал свой фасонный портсигар, массивный, серебряный, который, к бабке не ходи, попятил у того полковника с пригоршней «фон», «унд» и «цу». Машинально постучал сигаретой о его крышку, как все мы привыкли поступать с папиросами.

Я тоже закурил и спросил без всякого напора:

– Не догадываешься, Коля, о чем пойдет задушевный разговор?

Мало что в нем сейчас оставалось от прежнего ухаря, это невооруженным глазом видно.

– Кто его знает, товарищ майор, – сказал он наконец. – Лучше б вы сами сказали. Грехов за мной вроде не числится, так что не знаю…

Вот только выражение его лица полностью противоречило словам, чтобы это определить, не нужно обладать сверхчеловеческой проницательностью. Мялся, нервничал, явно догадывался.

Вот тут я прибавил напора в голос:

– Ну что ж, начну первым, я не гордый, да и ради такого случая любую гордость в карман подальше запрячешь… Официальных оснований тебя прижать у меня нет, но ты ж не первый год служишь, сам прекрасно знаешь: у любого командира есть масса возможностей совершенно неофициальным образом подчиненному жизнь осложнить. Особенно в данном конкретном случае, когда я майор, а ты – сержант. Трудненько будет подчиненному с командиром служиться. Ты меня уже немного знаешь. Если мне понадобится что-то узнать – как сяду, так уж не слезу. Согласен?

– Да чего уж там, согласен…

– Вот и отлично, – сказал я. – Разговор у нас пойдет о совсем недавнем случае, у моста. Там, в отдалении от прочих беженцев, сидела девушка, сразу видно, что красивая, хоть и неумытая, растрепанная. Ваша троица на нее быстренько глаз положила. А я наблюдал из машины, частью от скуки, частью оттого, что усмотрел шанс тебя под взыскание подвести, не стану скрывать. Ну, надо отдать

вам должное, за рукав не хватали, силком в автобус не тянули…

– Вот именно, товарищ майор. Никогда я за рукав не хватал и не тянул. Не в моих это привычках, я привык, чтобы по доброму согласию. Культурно уговаривали…

– Сущие джентльмены и рыцари, – усмехнулся я. – Ну да, видел, как уговаривали, колбасой заманивали, явно галантерейное обхождение обещали… А потом что-то произошло. Ни грома, ни молнии, ничего такого – но вас от нее словно током отшвырнуло, всех троих, и сказал ты своим: уходим от греха подальше. Тут и я подошел, любопытно стало, особенно когда увидел физиономии ваши, не на шутку перепуганные. А ведь вы не из трусов, да и ситуация была не та, чтобы так пугаться… Что там случилось, Ярчук?

Он молчал и мялся. Отбросил с крыльца докуренную едва до половины сигарету и тут же достал новую. Я подпустил в голос ласковой угрозы:

– Коля, честное офицерское: что я задумал, то и будет. Не слезу я с тебя, пока не расскажешь, что там у вас произошло. Сам понимаешь: в этом случае со служебной точки зрения тебе ничего не грозит. Было, конечно, нарушение известного приказа, но придется посмотреть сквозь пальцы: я ж сам приказ нарушил, в машину ее взял. Вы это прекрасно видели, ваш автобус совсем близко стоял. И таращились вы на меня и на нее как-то странно, полное впечатление, знали что-то такое… Ну? Что там случилось?

– Не поверите, товарищ майор, – сказал он убежденно. – В лицо смеяться будете, а то и к врачам отправите. Вы ж городской, в городах этого нету, мне, по крайней мере, такие в городах никогда не встречались. А я из глухомани полтавской, до ближайшего райцентра черт-те сколько езды. У нас как раз встречались такие вот, умевшие то, что обычные люди не умеют. Прямо скажу, колдовки…

– Жиган ты, Жиган, и пишешься Жиган, – усмехнулся я. – Плохо ты мою биографию знаешь – да и откуда тебе? Горожанином я стал в четырнадцать лет, когда отец меня в город доучиваться отправил, на хлеба к дядьке с теткой. У нас в районе только семилетка была, а он хотел, чтобы я полную среднюю кончил, стал помаленьку в люди выходить, первым из всей семьи в институт поступил. Так-то вот… А четырнадцать лет я прожил в такой глухомани, какой ты у себя на Полтавщине и не видал. Дремучие чащобы, по-сибирски – тайга. Слышал такое

слово?

– В книжках попадалось, – сказал он с некоторым облегчением. – Я же не темный, восьмилетку закончил, в библиотеку был записан, книжки читал, приключения больше…

– Ну вот… – сказал я. – И были у нас разные… старики и старушки, а то и совсем не старые. Многое умели, чему я с детства был иногда и свидетелем. Так что всему поверю, что расскажешь, и уж безусловно в лицо смеяться не буду. Всякое бывает вдали от городов… Ну, облегчи душу, а то ведь лежит у тебя тяжесть на душе, и поделиться не с кем… со мной, разве что.

– Ну коли так, коли разбираетесь и всерьез берете… Дело было так, товарищ майор… Уговаривали мы ее, уговаривали, вполне по-хорошему, и вдруг – трах-бах! Как гром с ясного неба. Смотрю я, вместо нее я сам на тех шпалах сижу, вот только в каком виде! Мертвый сижу, зарезанный, глотка от уха до уха перехвачена, и не только что – кровища вся на гимнастерку и галифе стекла, рожа белая, глаза остекленевшие, давно бы упасть полагалось, а я сижу, свесив руки… Вот тут меня и отшвырнуло, точно как током. И ребят тоже, как будто и они что-то такое видели. Стало мне крепенько не по себе, я и говорю: уходим подальше от греха. Тут и вы со старшиной подошли… Я видел потом: вы с ней долго и спокойно говорили, явно на вас-то она никакого морока не пускала. Ну а потом вы ее в машину увели… Так оно все и было, чем хотите клянусь…

– А ребята твои что видели?

– А то же самое, только не меня, а каждый сам себя, в точности в таком же виде. Я потом подумал, надо же, и у немцев колдовки есть. А с другой стороны, тут, по ихним меркам, изрядная глухомань, там и сям леса густые, диковатые, не те прилизанные, нумерованные и обихоженные, что мы раньше видели, не похожие. Диковатее будут. В таких вот местах и могли сохраниться… Рассказать, может, кратенько, товарищ майор, как у нас в деревне было?

– Если кратенько, – подумав, сказал я.

– Колдовок у нас в деревне было аж три, хотя деревня и небольшая, половина хуторами раскидана. Одна совсем молодая, вроде вот этой немки. От нее-то как раз меньше вреда было: гадала да травами лечила, младенцам килу вправляла,

кровь останавливала. Хотя если что не по ней, могла и стегнуть, не так уж душевредно, но чувствительно. Она, Яринка эта, и на вечорницы к нам ходила. Никто ее не гнал – себе дороже, непременно боком выйдет. Да и держалась она как самая обычная дивчина: пела, плясала, с парнями покручивала, иногда до сеновала дело доходило. А вот те две старухи были гораздо злобственнее. Все знали: если какой-то из них поклонится сальцем там, сметаны глечиком, а то и денежкой, просьбу твою выполнит – только всегда плохую какую просьбу. Вторая, опять-таки все знали, вечерами пегой свиньей оборачивалась, какой в деревне ни у кого нету. Идем мы с девчатами с вечорниц, а она выскочит, пихаться начнет, за ноги хватать. Приходилось шугать словесно, и только. Давно было известно: если кто вздумает вырвать кол из плетня и по хребту ее перетянуть, у того вскоре невзгоды будут: урожай градом побьет при полном отсутствии такового у соседей, свеклу или что другое червяк съест, скотина домашняя падет, тот, с колом, ногу сломает… Да всякое бывало. Знаете, что интересно? К тем компаниям, с которыми шла Яринка, она никогда не вязалась – то ли у них меж собой такая солидарность, то ли она Яринку боялась – шептались, что Яринка посильнее будет, хотя и живет не в пример тише. – Он улыбнулся прямо-таки мечтательно. – Старики говорили, в старые времена таких вот старух, бывало, в их же избах жгли всем миром – ну а в советские времена не прокатило бы. Заикнись только о колдовстве… Не в лагерь за убийство, так в дурдом загонят… Значит, верите, товарищ майор?

– Верю, – сказал я. – Только язык держи за зубами.

– Будьте спокойны, привык за столько лет… Только вот что, товарищ майор… Простите уж на дерзком слове, но должен я вам кое-что сказать про ту немку. Разрешите?

– Ну, валяй, – сказал я, – самому стало любопытно.

– Вот взяли вы ее к себе в машину… Я тут с ребятами поговорил, которые дольше и лучше меня вас знают. Никогда прежде такого не случалось. Может, она вас обморочила? Обмороченный – он ни сном ни духом, ведать не ведает, что его обморочили, считает, что ему самому такие мысли в голову пришли…

– А зачем ей это?

– То есть как? – удивился он. – Чтобы закрепиться при вас в уюте и достатке. А не голодной беженкой по большим дорогам бродить с весьма нешуточным для себя риском. Сыта при вас будет, в тепле и полной безопасности. Обморачивать они умеют. Что там далеко ходить, с Яринкой был случай. Врезалась она по уши в одного парня с нашей улицы, только была ему ни до чего – у него своя зазноба имелась, к свадьбе дело шло. Так что вы думаете? За какую-то неделю все меж той парочкой напрочь расстроилось, какая там свадьба, Петро ее больше в упор не видел, прилепился к Яринке так, что трактором не отодрать, а она с ним под ручку открыто ходила, голову гонористо держала… Вот и с вами эта немочка могла такое проделать.

– Не во всем у тебя концы с концами сходятся, – подумав, заключил я. – Бродяжничает она не первый день – ее Кольберг союзнички разнесли в щебенку две недели назад, ты сам там проходил, видел. Что ей мешало обморочить какого-нибудь небедного горожанина или, того лучше, зажиточного фермера? Жила бы у него как у Христа за пазухой. Резонно?

– Резонно, – согласился он. – Только, с другой стороны… На своих, на немцев, ей сейчас полагаться опасно. Кто знает, что с этим горожанином или фермером при проходе наших войск будет? Да и с ней самой? Надежнее к советскому офицеру в кое-каких чинах прилепиться. И такое допускать можно?

– Допускать все можно, – сказал я. – Да точно знать ничего нельзя. Может, она только и умеет, что те картинки обормотам вроде вас показывать. И уж не брела бы голодной, умей она обморачивать. Этот твой зажиточный фермер запросто бы ей на дорогу мешок колбасы дал, а то и целую тачку продуктами нагрузил… Резонно?

– И тут – свой резон, – проворчал Жиган. – Только при любом раскладе она ведь вас может крепенько под монастырь подвести, товарищ майор. Самим своим наличием возле вас. Поскольку – немка. Приказ насчет них лучше меня знаете. Ну да, насчет француженки комполка и белоруски у другого вся дивизия знает. Только тут совершенно другой расклад: французы – наши союзники, а белоруска – вообще советская гражданка. А тут – немка. Могут сквозь пальцы и не посмотреть. Какая-нибудь особо бдительная душа просигнализирует, то ли по службе, то ли по движению души и политической бдительности – и будут у вас серьезные неприятности, товарищ майор. Мы-то трое молчать будем как у попа в гостях, да и ваши Кузьмич с Васей люди в этом плане надежные, да не сможете ж вы ее долго прятать от всего бела света? Дать ей, черт с ней, «сидор»

с продуктами и отправить на все четыре стороны. Или здесь в городишке пристроить. Брошенных домов тут хватает, вы ж комендант, возьмете бургомистра за шкирку, преподнесете ему что-нибудь убедительное – и с плеч долой. Хотите, мы с ребятами бургомистра поищем? Не иголка в конце-то концов. Если не сбежал, у себя хоронится, выжидает, чего от нас ждать… Документик ей какой выпишете, вроде ордера на дом брошенный.

Однако в глазах его стоял вопрос: а что, если отец-командир все же обмороченный и разумных доводов слушать не будет?

– Я об этом раньше тебя подумал, Ярчук, – усмехнулся я. – Чтобы не возить ее с собой долго – тут, ты прав, может и нагореть, – а при первой оказии пристроить в тихом безопасном месте. Только думал я о другом – о женском монастыре. Ты ж с ребятами сам в такой ту немецкую кроху пристраивал, тебе ли не знать, как такие дела делаются? – И я улыбнулся вовсе уж широко: – Как по-твоему, такое желание свидетельствует, что я обмороченный? Или скорее уж наоборот?

– Скорее уж наоборот, – вынужден был он признать. – И все равно, насчет монастыря – вилами по воде писано. Ту девчоночку они еще взяли, кроха совсем, а как-то еще насчет взрослой девки решат…

– Ну, это уже моя забота, – сказал я. – Лишь бы монастырь попался, не один же он был в этих краях, в католических-то местах… Уж местный поп знать должен, где у них тут еще монастыри…

– Будем надеяться, – пробурчал Жиган. – Вы командир, вам виднее…

Мне пришло в голову еще кое-что. Уперев ему указательный палец в грудь повыше пуговицы, я сказал самым внушительным тоном, на какой был способен:

– Ценю я, Ярчук, твою заботу обо мне, правда, только предупреждаю: будь ласков, не зайди в этой заботе слишком далеко. Лады? Если с ней случится неприятность вроде пули в спину, я тебе первому дырку во лбу сделаю. И спишу на неподчинение командиру в боевой обстановке. Усек?

– Да что вы такое говорите, товарищ майор! – возопил Жиган с чувством оскорбленной гордости. – И в мыслях не было! – и добавил потише: – Да и потом, даже если б думал… знаю ведь с малолетства: колдовку так просто, обычной

пулей не убьешь. Тут нужна пуля серебряная, да лучше еще пыж в лампадное масло окунуть, и надо еще слова знать, а я их не знаю… Провалиться мне на этом месте, товарищ майор, пальцем не трону! И не в вас дело: колдовку убивать при полном моем невежестве в этом деле – себе дороже выйдет и без вашей пули в лоб… А знаете что? Может, на самом деле она – старая карга, только притворяется девушкой? Как у Николая Васильича Гоголя в «Вие»? Читал, как же, и многие у нас читали, даже не особенные любители книг – Гоголь все же наш земляк, полтавчанин, и не так уж далеко его Сорочинцы от наших мест, и на Сорочинскую ярмарку многие у нас ездили, я так три раза, с отцом…

– Плохо ты классику помнишь, Ярчук, – сказал я. – У Гоголя она как раз в истинном своем облике была молодой красивой девушкой, а старухой лишь время от времени оборачивалась. Да и вообще, слышал ты когда-нибудь о колдовке, у которой была бы пачка документов на имя молодой девушки, с соответствующими фотографиями? Или о том, что они и на документы умеют морок наводить?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Прозвище фельджандармов, носивших на груди железную бляху, формой напоминавшую полумесяц с закругленными концами.

2

Прозвище танкистов в Отечественную.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bushkov_aleksandr/mayor-i-volshebnica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить